
Фонд Фридриха Науманна
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

НАЗРЕВШАЯ ДИСКУССИЯ

Некоторые итоги обсуждения
истории Второй мировой войны

*Общественный Форум
Москва, 28 сентября 2005 г.*

СТЕНОГРАММА

*Под редакцией
Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова*

МОСКВА
2006

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2006. — 112 с.

ISBN 5-91022-022-5

ISBN 5-91022-022-5

© Московское бюро Фонда
Фридриха Науманна, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	5
Вступительное слово	7
<i>Первое заседание</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАЛИНА В ИСТОРИЮ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	10
<i>Второе заседание</i> СТАРО-НОВЫЕ МИФЫ О ВОЙНЕ И ПРОБЛЕМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПАМЯТЬЮ О НЕЙ	39
<i>Третье заседание</i> ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА, ПРОБЛЕМЫ ОККУПАЦИИ, ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЦЕНА ВОЙНЫ В ЗАПАДНЫХ СМИ И ИНТЕРНЕТЕ	70
Комментарии	95
Участники дискуссии	101
ПРИЛОЖЕНИЕ	104

К ЧИТАТЕЛЮ

Когда после проведенного совместно с партнерами мероприятия речь заходит о публикации стенограммы дискуссии, я чаще всего настроен скептически. Существует много примеров того, что, несмотря на удачные выступления, дискуссия оставляет желать лучшего. По крайней мере, требуется редакционное вмешательство и работа над сокращением материала для того, чтобы сделать стенограмму приемлемой для чтения. В таких случаях без предисловия не обойтись, должно быть дано систематичное объяснение того, почему, несмотря на опасения, принято решение опубликовать данную стенограмму.

После коллоквиума по теме «Победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. (60-летие окончания Второй мировой и Великой отечественной)» всё было по другому. Стенограмма дискуссии просилась на печатный лист; каждый аргумент, каждая реплика требовали публикации. По той простой причине, что до сих пор продолжаются поиски того, что было на самом деле, поиски исторической истины. Таким образом, этому изданию предисловие не нужно.

В качестве путеводителя для дальнейшего чтения мне хочется процитировать лишь двух участников дискуссии:

«Я думаю, что публичные дискуссии на эти темы чрезвычайно важны. От этих вопросов не уйти – они не исчезают, даже если открыто не называются. Но сами по себе последствия отказа от обсуждения и рационализации этих проблем не так просты и понятны. Чаще всего они всплывают в качестве тёмной стороны и неприятных особенностей современной массовой культуры» (Лев Гудков).

«Если прерогатива создания мифов у кого существует, то это, вероятно, будет какая-то узкая элитная группа, которая будет генерировать мифы для общества, а потом, вероятно, будет вести это общество. Это не очень хорошо для гражданского общества, о котором мы говорим, это не очень способст-

вует умягчению нравов. А именно смягчение нравов сегодня – одна из главных задач для современной России для того, чтобы это общество с низов начало себя собирать, начиная с элементарно нормального отношения граждан друг к другу. Здесь как раз нужны не мифы, как мне кажется, а какой-то период определённой рефлексии, какого-то, может быть, более нравственного отношения к своей истории» (Константин Эггерт).

*Фальк БОМСДОРФ,
Руководитель Московского Бюро
Фонда Фридриха Науманна*

СТЕНОГРАММА ФОРУМА

Геннадий БОРДЮГОВ

Пять с половиной лет назад в этом же зале Фонд Фридриха Науманна и АИРО-XX провели открытую общественную дискуссию «Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков». Тогда получилась довольно острая дискуссия, которую инициировали с немецкой стороны Ханс Моммзен и Манфред Бирвиш, а с российской — Константин Азадовский и Сергей Аверинцев, имя которого останется в нашей памяти.

Как вы все понимаете, тема нынешнего Форума — своеобразное продолжение начатого разговора об отношении к прошлому в наших двух странах. На обсуждение вынесены вопросы, оказавшиеся в год 60-летия окончания Второй мировой войны в центре общественного внимания, а именно: возвращение Сталина в историю войны; старо-новые мифы о войне и проблемы манипулирования памятью о ней; пакт Молотова–Риббентропа, проблемы оккупации, военных преступлений и цена войны.

Организаторы учитывают, что все участники Форума познакомились с заранее разосланными Материалами (их содержание см. в Приложении к Стенограмме), которые подвели определённые итоги дискуссиям 2005 года, отразили практически все, в том числе подчас диаметрально противоположные, позиции авторов. Словом, организаторы сознательно шли на это, потому что правда о войне должна быть беспощадной, точки зрения должны быть проявлены открыто, прямо и аргументированно.

Мы рассматриваем Форум не только как площадку для диалога или столкновения мнений, но как способ приближения к смыслу того события, которое стало опорным в духовном сознании наших людей.

В нашем форуме участвуют видные историки, филологи, политологи, журналисты, представители дипломатических кругов,

учителя, педагоги. Я рад приветствовать ученых из университетов и научных центров Челябинска, Казани, Екатеринбурга, Томска и др. городов. Здесь присутствуют журналисты, дипломаты, исследователи из Германии, Соединенных Штатов Америки, Польши, Белоруссии, которых мы всегда рады видеть.

Инициатива организации этого форума принадлежит Фонду Фридриха Науманна, его Московскому Бюро, и Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). С большим удовольствием предоставляю слово г-ну Фальку Бомсдорфу, который внёс огромный вклад в то, чтобы этот форум состоялся.

Фальк БОМСДОРФ

Мне хочется приветствовать всех вас от имени Фонда Фридриха Науманна и от себя лично. Мы очень благодарны, что вы откликнулись на наше приглашение. Я буду говорить кратко, потому что, как я считаю, вас интересует не столько, что говорят организаторы, сколько то, что говорят докладчики. Но тем не менее надо сказать несколько вступительных слов.

За исключением одного коллоквиума в Екатеринбурге, который был организован вместе с министром международных и внешних экономических связей Свердловской области и где я выступил совместно с министром и представителями генконсульств США, Белоруссии, Франции, Чехии, Фонд не провёл ни одного мероприятия по поводу 60-летия победы над Германией. В целом я придерживаюсь мнения, что на подобного рода торжествах в России для граждан из Германии места нет. Правда, как вы знаете, в Германии отмечают 8 мая, но не как подлинный праздник, а как день памяти, как день, когда закончилось хождение немцев по ложному пути собственной истории и проклюнулся росток надежды на лучшее будущее.

Но я всё-таки согласился, когда Геннадий Бордюгов и наша партнерская организация АИРО-XXI предложили организовать совместно и провести сегодняшний Форум, потому что Фонд Фридриха Науманна всегда поддерживает общественную дискуссию. Попытка продолжать развитие гражданского общества и демократии получится только тогда, когда внутри самого общества будет формироваться культура дискуссии и не исчезать сама дискуссия. В связи с этим мы не могли не заметить, что по поводу 60-летия Победы здесь, в России были опубликованы статьи таких авторов, которые имеют совершенно разные взгляды на ход Второй мировой войны и её результаты. Я разделяю мнение Геннадия Бордю-

гова, что крайне важно собрать в одну книгу публикации из различных источников. Результатом этого и явился 16-й выпуск «Библиотеки либерального чтения», издаваемой нашим Фондом, где сопоставлены самые важные статьи по поводу 60-летия окончания Великой Отечественной войны. Эта книга у вас в руках.

Мы считали важным провести дебаты, в которых примут участие авторы этих статей и люди, которых мы пригласим специально, которые имеют голос в общественной и политической жизни страны. Иначе говоря, Фонд Науманна и АИРО-XXI стремятся к открытой публичной дискуссии о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне в контексте политики, мифологии и памяти. Если я правильно проинформирован, таких форумов и дискуссий в России не очень много. Я знаю, что к такому мероприятию предъявляются очень высокие требования. С одной стороны, к докладчикам и авторам таких статей, которые придерживаются крайне противоположных мнений, и для которых может быть сложно поддерживать определённый уровень толерантности. Правда, все знают, что и толерантность имеет границы. С другой стороны, есть высокие требования и к дискуссионкам. Они должны сделать всё для того, чтобы дискуссия получилась. В этой связи убедительная просьба ко всем: воздержитесь от содокладов, формулируйте свой тезис в начале или в конце вашей реплики и соблюдайте, пожалуйста, особенно первые три из правил ведения дискуссий, которые сформулировал Фонд Фридриха Науманна для ведения дискуссий в рамках так называемых либеральных клубов Фонда.

Они звучат банально.

Во-первых, истина не принадлежит Вам, как не принадлежит никому.

Во-вторых, не говорите: Вы не правы, а только: я с Вами не согласен.

В-третьих, у Вас есть право на собственное мнение, но нет права на факты. Значит, необходимо опираться на надёжную фактическую базу.

Желаю всем плодотворной дискуссии.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо, господин Бомсдорф. Я Вас благодарю за то, что Вы нам напомнили и правила ведения нашей дискуссии. Итак, тема первого заседания —

Возвращение Сталина в историю войны: причины и последствия

И я прошу открыть дискуссию Егора Станиславовича Холмогорова и Мариэтту Омаровну Чудакову.

Егор ХОЛМОГОРОВ

Передо мной стоит непростая задача: представить вам аргументацию целой группы российских историков и политологов, которые в последнее время интенсивно занимаются тем, что на языке наших критиков именуется «политической реабилитацией Сталина». Это не значит, что все они между собой согласны. Люди и позиции в этой среде очень разные: есть такие достаточно «отвязанные» по стилю работы Юрия Мухина, есть жёсткие сталинистские работы Игоря Пыхалова, есть технологичные, носящие чисто военно-исторический характер, но очень компетентные работы Алексея Исаева.

Я буду говорить о защищаемых этой группой позициях прежде всего с точки зрения политолога, потому что я не профессиональный военный историк. Поэтому постараюсь представить целостный политологический взгляд на эту проблему и, одновременно, взгляд историографический, то есть направленный на понимание того — как возникает та или иная научная и идеологическая концепция истории.

Мой первый тезис, который я хотел бы заявить, состоит в следующем: так называемая антисталинская школа и традиция в советской и нынешней российской историографии и публицистике — это отнюдь не плод процессов демократизации и не плод избавления от мифов советского периода относительно Второй мировой войны. 80%, если не 90%, антисталинской аргументации в нашей историографии и публицистике — это аргументация официальная, аргументация хрущёвско-брежневского периода, которая на взгляд политолога является не более чем апологетикой того антисталинского курса, который был взят в СССР, начиная с середины 50-х годов.

Именно для обоснования необходимости, плодотворности, оправданности хрущёвского курса, а затем сохранения Брежневым основной логики этого курса, были введены некоторые тезисы относительно роли Сталина во Второй мировой войне. В глазах общества Сталин очевидным образом оставался Генералиссимусом, Вождём, победителем в войне. И сменившему курс Хрущёву необходимо было как можно более жёстко дискредитировать Сталина в качестве Верховного Главнокомандующего. Эта линия никогда, ни на секунду, даже когда, как говорится, в самые глухие времена застоя, когда по нынешним меркам, вроде, все были сталинистами, не пресекалась. Она звучала в мемуарах военачальников, она звучала в военных специальных работах, звучала в энциклопедиях. В брежневский период выпады против Сталина сочетались с попытками свести определённый баланс. Но в целом эта линия никуда не исчезала.

Вся нынешняя антисталинская историография, за исключением сравнительно небольших её составляющих, которые были привезены из-за границы (например, тема Катыни) — это продолжение позднесоветских историографических традиций, но только доведённых до предела, а иногда и абсурда. Общая логика этой историографической линии — мифологическое и идеологизированное понимание истории. Причём, по плохому мифологическое и очень плоско идеологизированное. В рамках этой историографической парадигмы исследователи оперируют то «бессмертным подвигом» и «гениальными замыслами», то «идиотизмом генералитета» и «самоуверенностью Сталина».

В связи с этим — мой второй тезис — нынешняя реабилитация (я говорю об интеллектуальной реабилитации Сталина, не о бабушках, которые ходят с портретами Сталина на коммунистические демонстрации, я говорю о тех, кто сидит, пишет книги, роется в архивах и т. д.) связана прежде всего, как мне представляется, с рационалистическим бунтом против этой позднесоветской мифо-

логической традиции. В определённый момент, честное исследование требует отказаться от тех или иных её штампов, временами очень и очень опасных, временами очень и очень забавных. Одним из таких штампов, допустим, является абсолютная мифологизация и гиперболизация роли Георгия Константиновича Жукова, замечательного военачальника, замечательного полководца, но всё-таки *исполнителя* определённых решений, а никак не единственного «серого кардинала» Великой Отечественной войны, каковая роль ему была приписана в 80–90-е годы.

Когда мифологическая версия перестаёт объяснять факты, тогда начинается поиск — каким конкретным путём были приняты те или иные решения, что за ними стояло, что к ним подталкивало, почему именно на уровне исторической механики и, если угодно, прямого сцепления причин и следствий принимались те или иные решения. И вот здесь — прослеживая по источникам, буквально по дням, — оказывается, что огромное число правильных, логичных, нужных решений было принято лично Сталиным. И наоборот, достаточно большое число решений и достаточно большое число неверных вводных, которые так или иначе себя проявили в ходе войны, были приняты либо не Верховным Главнокомандующим, либо вопреки ему, под мощным нажимом снизу, например от руководителей фронтов и направлений.

Приведу один конкретный пример, связанный с ситуацией на западных рубежах Советского Союза накануне 22 июня 1941 года. Мы все знаем достаточно хорошо стандартную версию о том, что разведка систематически докладывала Сталину, что вот-вот начнётся война, назывались, якобы, точные сроки — как мы теперь выясняем, этих точных сроков было названо что-то около десятка. Ни один нормальный аналитик сориентироваться в этих сроках просто не мог. Почему 22 июня должно было оказаться решающим, если его-то называли реже, чем другие, в то время как говорилось о 15 мая и других датах?

Но дело не в этом. Дело в том, что с этим связано очень характерное мифологическое представление о том, что советская разведка очень точно докладывала о передвижениях немецких войск, о скоплении их на советской границе. В ходе исследований, проведённых в последние годы, выяснилось, что ничего подобного не было: советская разведка систематически в силу каких-то внутренних причин *завышала* количество тех войск, которые находились на границе Германии и СССР, равно как и завышала общую численность вермахта. Тем самым совершалась громадная ошибка, не отслеживалась динамика перемещения вооружённых сил Германии в последние месяцы перед нападением. Создавалось

впечатление, что идёт какое-то достаточно плавное накопление этих сил, которое может свидетельствовать о чём угодно, в то время, как реально за последние три месяца перед войной количество немецких дивизий на границах СССР увеличилось в пять раз.

Представим, что если бы, непосредственно перед нападением, разведчикам по каким-то причинам удалось добыть полностью достоверные сведения о количестве немецких войск на границе с Германией, то в сопоставлении с прежними завышенными данными они получили бы парадоксальный результат — дивизий стало меньше, их, видимо, отвели. Соответственно, когда говорится о том, что в слепом доверии Гитлеру Сталин игнорировал надёжные данные разведки, однозначно свидетельствовавшие о неизбежности нападения, то эта оценка противоречит не другой какой-то оценке, а элементарным фактам — никаких надёжных данных, позволявших не ошибиться, у Сталина не было. Более того, если сопоставить степень надёжности имевших данных и всё-таки довольно интенсивную подготовку СССР к войне, то можно сказать, что Сталин относился к вероятности нападения в 1941 году более серьёзно, чем отнесся бы на его месте какой-то другой государственный деятель.

Есть конкретные факты и конкретные свидетельства, которые заставляют нас подходить к оценке роли Сталина с большим рационализмом. Конечно, будучи знакомыми с моей статьёй в сборнике материалов к Форуму, вы могли заметить, что она написана достаточно эмоционально. Это публицистика. Но каждый раз я стараюсь построить определённую рациональную линию. И в общем-то, все «историки-сталинисты» пытаются делать то же самое, т. е. сосредоточиться на конкретных вопросах — работа Сталина как Верховного Главнокомандующего, как руководителя государства, на генезисе тех или иных военных или политических решений. Позиция эмоционального «антисталинизма» с этой точки зрения (подчеркну, что я здесь не вступаю в дискуссию о других эпизодах советской истории) представляется мне триумфом иррационалистического, очень мифологизированного, очень политизированного (в дурном смысле) исторического сознания.

В ходе обсуждения, я думаю, мы выясним, можно ли и найти некоторую рациональную общую платформу для дискуссии. Или её лучше не находить, а остаться каждому при своём наборе идеологических позиций. Но, и это для меня главное, я хотел бы призвать всех участников дискуссии к пониманию того факта, что реабилитационная по отношению к Сталину линия в историографии ни в коем случае не является линией, замешанной на чисто идеологических мотивах. Она жёстко рационалистична.

Мариэтта ЧУДАКОВА

Важно вернуться к тому моменту, когда создавался советский миф войны, т. е. второй половине 1960-х годов. Об этом написан ряд работ. Но мне кажется, во всех очень основательных работах не выделено (а у нас нет другого выхода, как выделять доминанты, потому что мыслей в целом накоплено огромное количество, самых разных и верных) главное: для чего создавался тот или иной миф? А он создавался на моих глазах, на глазах моего поколения, людей вполне зрелых, и то, что чувствует современник, вполне дееспособный, то не возможно порой бывает долгие годы, даже десятилетия восстановить — иными путями, вне его памяти.

Миф войны создавался с совершенно определённой, ярко выраженной целью — остановить движение общества, данное 56-м годом, затормозить импульс к работе мысли. И это было сделано. Святая для подавляющего большинства память о войне была привлечена для этого. И это очень важно. Движение отказа от прошлого, начатое хрущёвским докладом — поразительным докладом, никак не соответствующим, казалось бы, биографии и личности докладчика, — все это было прекращено. И этот миф войны был неразлучен со Сталиным, конечно. История у нас повторяется до смешного просто. Миф был выдвинут сверху, властью. Тогда обществу, находящемуся, в общем-то, в тоталитарном режиме, удалось остановить новую мифологизацию. Известное письмо ученых 1966 года остановило реабилитацию Сталина.

И вот сегодня мы снова видим, как с напористой циничностью (а в текстах о том, что Сталина необходимо реабилитировать трудно разглядеть убеждения, — вам это любой филолог скажет) предпринимается попытка экстренного торможения: затормозить движение, начатое очень бурно, в ходе перестройки 1988–89 годов. Дальше, после 1991 года, это движение начало затухать. Какие-то свойства наших интеллектуалов сыграли в этом губительную роль. Но это совершенно другая тема.

Любопытно, — мы так устроены странно, — что мы очень не любим замечать свои достижения и победы, это может каждый подтвердить, оглядываясь назад. Вот ахать о том, как всё тяжело, плохо и как всё провалено и дальше будет хуже — это мы любители. Но сказать там, где нам удалось что-то сделать реально, голыми руками, мы не можем.

Сейчас я приведу простой пример: сопоставьте, сколько было в интернете, в СМИ, где угодно, констатаций, что готовится установка памятника в Волгограде, потом в Красноярске... Готовится,

готовится, готовится... А много вы видели сообщений о том, что это сделать всё-таки не удалось? Общество остановило это голыми руками. Ведь всё было готово. Полностью. Мы остановили реабилитацию Сталина 9 Мая!

Дело в том, что когда в марте 2005 года я писала первую статью для «Московских новостей», я совершенно не знала журнала «Спецназ», где выступил мой оппонент г-н Холмогоров. И ни одного слова о Сталине не было сказано тогда в широкой печати, но я, словно почувствовала его тяжёлую поступь по земле. Оказывается, уже в феврале она начал своё шествие в «Спецназе», а я узнала об этом только теперь.

Торможение готовилось заранее, как скоро выяснилось, но ему удалось активно противодействовать при огромной поддержке общества. Как казалось, оно спит. Оно действительно спало, но проснулось... Мало того, удалось закрепить в сознании, мне кажется, и по телевидению, включая Первый канал, важную мысль, что установка памятника историческому деятелю не решается простым большинством. Ведь демократия — это и уважение к меньшинству. Да, большинство принимает решение. Но для каждого здравомыслящего человека очевидно, что, в отличие от выпуска книжки, памятник на площади в городе можно установить только в том случае, если нет достаточно большого (даже в абсолютном количестве, не в процентном) людей, которых это оскорбляет. Это так просто, но почему-то не доходило: отсутствие памятника отнюдь не оскорбительно для тех, кто за него. Они ведь могут повесить дома его портрет... Отсутствие памятника несравнимо с чувством человека, с тем, что испытала я лично, когда узнала, что готовится установка памятников Сталину. Как, при мне это сделают!? При мне его поставят, и будет ходить каждый ребёнок в этом городе и спрашивать: мама, это кто? Она же должна ему что-то объяснить, она же не может ему сказать, что это был человек, истребивший миллионы своих жителей «за так», просто, чтобы запугать остальных людей и сохранить свою власть.

Сегодня две противоположных тенденции: одна — вернуть нашему народу представление о том, что забыть нельзя, о чём сказано ещё в «Слове о полку Игореве» — «добыть себе чести, а князю — славы»; другая — вымыть из сознания, аннигилировать представление о чести. Если бы не своя страна, как говорится, не жалко, даже интересно было бы посмотреть, как идёт оглупление, размыкание логических связей. Про факты тут говорить нечего: те, кто хотят реабилитировать Сталина, они фактами не интересуются, но факты все давно выстроены и свидетельствуют против них: посмотрите хотя бы статью Никиты Дедкова о войне в «Материа-

лах к Форуму»... Реабилитация Сталина — это отнюдь не рационалистичный, а типичный такой постмодернистский проект демобилизации российского народа, совершенно постмодернистский, поскольку к фактам отношение такое: — тем хуже для фактов. Почему демобилизации? У Льва Гудкова хорошо сказано: повседневность культурно не санкционировалась и идеологически не обеспечивалась.

Я всегда говорю, что одно из огромных прегрешений советской власти в том, что она уничтожила текущий день. У меня дома с незапамятных времен висит мой самодельный афоризм: «Помни — идут лучшие дни твоей жизни».

Так вот, текущая работа, возможность проявить себя сегодня, завтра, шанс использования сегодняшних потрясающих, при всех известных обстоятельствах, возможностей, достигнутая за 10–15 лет, — это всё теперь надо демобилизовать, свернуть, заморозить и развернуть людям головы, вывернув шейные позвонки, назад. Вот это всё сегодня происходит. Хотя глупых людей и неспособных к размышлениям у каждого народа больше, но есть и достаточная часть людей, у которых здравый смысл в решающий момент или чуть-чуть позже, но не совсем поздно, обязательно пробуждается. И эти люди не дадут перевести маргинальное в общее достояние.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо. Итак, мы познакомились с двумя позициями, они подробно представлены и в Материалах к нашему Форуму. Мы переходим к обсуждению темы о возвращении Сталина в историю войны.

Анатолий ЦЫГАНОК

Я специализируюсь по начальному периоду войны, отношусь к той категории военных историков и военных офицеров (службу закончил в Генеральном штабе в должности эксперта-специалиста Комитета военной реформы), которая прошла путь от верного сталиниста (начинал службу в спецназе прибалтийского военного округа), до убежденного антисталиниста. Сталин — это самая большая беда была для Советского Союза и есть сейчас для нынешней России. Внимательно изучил материалы к Форуму. Первоначально был очень возмущен тем, что слово предоставляется тем специалистам, которые не являются специалистами в военном искусстве. И они имеют право обсуждать полководческую деятельность Сталина?

Первое. Сталин как полководец. Вернёмся к историческим документам. Буквально 3 года назад опубликован совместный труд российских и финских историков о финской войне. В нём приводится интересный документ — выступление товарища Сталина об итогах войны. Сталин, глядя на карту с указанием ударов Красной Армии на финском перешейке, расценивает их как дилетант, который не понимает сущности формулировок и тех схем, которые находятся на карте. Например, показывая на схемы ударов он называет их «колоннами». Второй момент. Мой оппонент, я прочитал его статью, говорит о том, что Сталин имел великолепную память, был способен оценивать действия всех фронтов, лично писал документы.

Я хочу сказать господину Холмогорову, как военный историк периода войны: партийная директива, лично продиктованная Сталиным, заменившая собой распорядительный документ, которая была отправлена в октябре месяце командующим фронтам для организации битвы под Москвой внесла сумятицу и неразбериху, и она не была стратегическим документом, директивой Генерального штаба, которая должна была определить конкретные вещи, без которых практически невозможно организовать систему поражения противника с целью срыва его наступления, организации оборонительных рубежей, от которых зависит вся система обороны, ни взаимодействие между соединениями и частями различных родов войск. Рубежи, начертание переднего края, направления возможных контратак, районов, от которых зависит устойчивость обороны, соседи, фланги и т. д., — не были прописаны. Т. е. в войска приходила партийная директива, по которой командующий округом, командующий фронтом не мог физически поставить боевые задачи, организовать ни оборонительную операцию, ни взаимодействие со своими соседями. Лично Сталин, настоявший на отправке собственноручного документа, виновен в гибели более миллиона красноармейцев в октябрьских и ноябрьских боях.

Третий момент. Ссылка на то, что товарищ Сталин действительно был великим полководцем и генератором идей — это тоже миф по большому счёту. Не был он полководцем-генератором. Ссылки на военные мемуары я, как военный историк, считаю совсем неоправданным делом — они не документ для историков, мы должны работать в архивах, мы должны смотреть первоначальный документ. Ведь что происходит в мемуарах? Наши военные полководцы через 5 лет себя обеляют, через 10 лет о себе умалчивают, потом через 20 лет выставляют себя героями в той или иной операции. Более того, в настоящее время действительно

возобновилась полемика о роли Сталина как полководца, и это большой спор среди военных историков.

Я отношусь к той категории историков, которые считают, что Сталин загубил более 50 миллионов человек, из них около 30 миллионов — военнотружущие. У господина Холмогорова есть в статье ссылка на то, что погибло около 8 миллионов. Не верно.

Когда он приводит в качестве примера мемуары, а в них — разговор Сталина со Штеменко по поводу цифр, сколько у нас призывалось, какой это процент, тут лукавство имеется. Цифры такие: было призвано во время войны 20 призывных годов с 1904 по 1925 год.

В начале войны в Советском Союзе насчитывалось по переписи населения 1939 года 190,6 миллионов человек населения. И когда я говорю: господа-товарищи, в 1959 году население Советского Союза в новых границах насчитывает 208,8 миллиона с тем, что темпы прироста в 40-м году были 4,6 миллионов. Спрашивается, где 70–80 миллионов человек, по меньшей мере?

Мне заявляют: мы, как историки, должны сверяться с документами. Хорошо. Вся полемика в нашей военно-исторической науке ведётся по одному вопросу — о потерях вооружённых сил. Но почти ничего не говорится о жертвах населения. В 1993 году вышла настольная книга военных историков и экспертов «Гриф секретности снят», которую неоднократно цитируют. Но даже и в ней цифры со многими оговорками ссылаются только на документально подтверждённые материалы, поэтому и в этом труде не совпадают данные о составе соединений и частей в операциях, проводимых одними и теми же силами.

Но где цифры, которые смогут подтвердить потери среди мобилизованных мужиков, отправленных военкоматами в части, но не дошедшие до них, которые не были внесены ни в какие списки частей и соединений. Где цифры, которые могут подтвердить данные о солдатах маршевых рот и батальонов, брошенных с марша в бой, списки которых не успели, а быть может и не хотели вносить. Данные не могут учесть информацию сожжённых и уничтоженных документов военкоматов, частей и соединений, попавших в окружение, поэтому до сих пор они нуждаются в дополнительных исследованиях. Официальные данные потерь не учитывают тех раненных, обожжённых, обмороженных солдат и офицеров, которые были выписаны после излечения по домам и умерших от последствий полученных ранений через 2–3 года или 5–10 лет. Только Япония учитывала и приплюсовала к своим людским потерям 38% умерших в течении 2–5 лет после войны от перенесенных ранений своих солдат и офицеров.

С точки зрения формальной логики это правильно. Но никогда не станут известными цифры потерь, например, Юго-Западного фронта, поскольку его документы попали в руки неприятеля. Мне приходилось работать с этими документами в Подольском архиве МО РФ, где на каждой папке стоит штамп со свастикой немецкого архива в Данциге. Каждый лист донесений, отчётов с немецкой педантичностью переведён на немецкий язык и отпечатан то на обратной стороне каких-то накладных, то на каких-то черновиках деловых бумаг. И почти нет документов со списками личного состава. Поэтому даже те данные, которые стали известны в последнее время, не дают право говорить как о Сталине, как полководце, поскольку не соответствует определению военной истории.

Поэтому с теми цифрами, которые формулируют сейчас защитники Сталина, я категорически не согласен. Я считаю, что надо озвучивать другие цифры. Надо говорить правду, а не врать обществу.

Леонид ДОБРОХОТОВ

Мое выступление, скорее, организационно-методического характера. Я не хочу касаться каких-либо фактов из-за отсутствия времени. В этой дискуссии, как она началась, а она началась, на мой взгляд, очень интересно и плодотворно, я полностью на стороне Егора Холмогорова. Я поддерживаю эту точку зрения и глубоко в убеждён в её правильности.

Что же касается тех взглядов, которые изложила госпожа Чудакова, то это для меня находится в совершенно ином измерении. Я даже не считаю возможным с этим полемизировать. А с господином Холмогоровым я хочу поспорить по одному единственному вопросу. Мне очень понравилась его статья, опубликованная в сборнике, а также оценки его соратников по взглядам. Но у меня складывается такое впечатление, что и в государственной историографии и пропаганде, что особенно проявилось в момент празднования 60-летия Победы, и в подобного рода выступлениях молодых историков-консерваторов, имеет место попытка отделить победу, военачальников победы, отделить Сталина от того строя, который в тот момент существовал в Советском Союзе, т. е. от советского социалистического строя. В частности, это было проделано лет 10 тому назад с Жуковым. Считаю, что это неправильно.

Сейчас налицо попытка и Победу, и Сталина тоже отделить от того строя и от ВКП(б). Я, конечно, полностью поддерживаю то внимание и то время, которое было уделено руководством нашей

страны и государства празднованию 60-летия Победы. Но внимательный анализ всего того, что показывалось и говорилось в это время, доказывает — была сделана попытка провести определённую селекцию. Мне понятно, почему.

Потому что у нас антисоветский режим, у нас антисоветский президент. Что бы не говорили уважаемые мной либералы и демократы, это антикоммунистический президент. У нас антисоветский, антикоммунистический режим, который в то же время хочет быть патриотическим. Таким образом, делается попытка создания антисоветского, антикоммунистического патриотизма. Мне кажется, это уже вторая попытка. Первый раз это делалось десять с лишним лет назад — на базе монархизма. Отсюда перезахоронение останков царской семьи и т. д. Не получилось. Сейчас предпринимается попытка реанимации некоей белогвардейской идеи, уже на базе Временного правительства. Отсюда, кстати говоря, памятник Колчаку...

Вот тут спрашивали, как же можно ставить такие памятники, если кто-то возражает? Я хочу вам сказать, что гигантское количество людей, которые живут во всей нашей стране и в Иркутской области, в частности, возражали против создания памятника Колчаку. Однако он был поставлен и прекрасно стоит.

Сейчас нам говорят о перезахоронении останков Деникина. Я не хочу высказывать своих личных взглядов по этому поводу, я просто хочу сказать и, видимо, все вы согласитесь, что существует огромное количество людей в нашей стране, которые категорически против этого. Однако их никто не спрашивает. Это решение, которое уже принято. И это будет сделано.

Да, я хочу сказать, нельзя отделять победу Сталина-военачальника от советского прошлого. Победа была одержана, потому что ей предшествовали десять лет, в ходе которых были достигнуты выдающиеся, совершенно неслыханные результаты в создании промышленности, сельского хозяйства, обороны, экономики, науки, духовности, без этого было невозможно выиграть войну. И война была выиграна и восстановлено народное хозяйство потому, что это был советский социалистический строй, а Сталин был коммунистом. Мне кажется, что в такой дискуссии, как сегодня, эта точка зрения должна присутствовать. Это советская социалистическая точка зрения.

Борис СОКОЛОВ

Дискуссия идёт в рамках давней темы: кто победил в войне, Сталин или народ? Вообще говоря, с точки зрения науки, эта постановка вопроса абсолютно ненаучная. И доказать это можно элементарным научным приёмом. Представим себе Сталина, если бы у него не было народа, которого он мог бросать в топку войны. Победил бы он? Ответ очевиден. Представим себе народ: разве он воевал сам по себе и никто им не руководил? Тоже ерунда. В общем, он выполнял какие-то приказы, директивы, распоряжения, которые в конечном счёте шли с самого верха пирамиды, т. е. от Сталина. Пусть какие-то распоряжения были дурацкие, другие — умные. Только Сталин, — здесь я, в принципе, с коллегой Холмогоровым согласен, — был настоящим полководцем, потому что только он обладал настоящей свободой воли в этой системе.

Другое дело, можно спорить, хорошим он был полководцем или плохим? И с какой точки зрения хорошим, а с какой плохим? Если с точки зрения победы в войне, завоевания определённой территории, то его можно назвать хорошим полководцем. Если с точки зрения цены войны, реальных потерь Советского Союза в войне, то он был плохим полководцем. Но самого Сталина, надо полагать, количество погибших людей не особенно и волновало.

Согласен с Мариэттой Омаровной, что реабилитировать Сталина нельзя хотя бы потому, что у большей части населения, в том числе и у меня, это вызовет резко негативную реакцию. В этом смысле Сталин не кажется мне той фигурой, которая может объединить наше общество, хотя у него, согласно социологическим опросам, где-то порядка 40% искренних поклонников среди населения имеется.

Сергей СЛУЧ

Прежде всего, хочу призвать коллег оставаться в рамках конкретных фактов. Эмоции можно оставить для других мероприятий. Хотел бы остановиться на некоторых положениях, затронутых г-ном Холмогоровым. Что касается предложенной им оценки советской историографии, начиная с середины 50-х годов, то я не могу с ней согласиться, поскольку, во-первых, она была разной в период пребывания Н. С. Хрущёва у власти и затем в брежневский период, когда начался совершенно очевидный отход от целого ряда позиций, завоеванных в предшествовавший период; во-вторых, возложение вины за просчеты, как в политической оценке

ситуации накануне войны, но особенно при руководстве войсками в ходе Великой Отечественной войны только на Сталина, как и противоположный подход, связанный с размыванием и замалчиванием его персональной ответственности за важнейшие политические и военно-стратегические решения, не имели ничего общего с научной разработкой проблемы, полностью выводя за скобки ту систему власти, которую создал и возглавлял Сталин.

Стремление к реабилитации Сталина и возвеличиванию его вклада в достижение Победы в годы войны отчётливо прослеживается уже в 12-ти томной «Истории второй мировой войны», подготовленной Институтом военной истории, а также в других официозных трудах как, например, двухтомник «История внешней политики СССР» под редакцией Б. Н. Пономарёва и А. А. Громыко. Это были директивные для всей советской историографии произведения, с которыми в издательствах постоянно сверялись, дабы не допустить отклонений от единственно «правильной» интерпретации событий.

Что касается мемуаров советских военачальников, в брежневское правление особенно выпячивавших сталинский стиль руководства, то известно, как они создавались. В Главном Политическом управлении Советской Армии была создана специальная писательская группа, активно «помогавшая» военачальникам правильно «вспомнить» дела давно минувших дней.

Не могу согласиться с оценкой г-ном Холмогоровым деятельности советской разведки накануне Великой Отечественной войны. На сегодняшний день опубликовано большое количество документов, свидетельствующих о том, что советская разведка собрала массу материалов, касающихся концентрации германских войск вдоль границ Советского Союза. Эта информация превышала реальное число дивизий вермахта, сосредоточенных против СССР, количество имевшихся у Германии самолетов и танков, что тем более это должно было насторожить Сталина и его ближайшее окружение. Ведь сосредоточение столь внушительной сухопутной армии на пограничных с СССР территориях в отсутствие иных противников на континенте, могло свидетельствовать только об одном — о готовившемся нападении на СССР. Будет ли оно 15 мая, 22 июня, или в середине июля 1941 года, не имело абсолютно никакого значения для принятия принципиально важного решения — приведения всех имевшихся сил в состояние полной боевой готовности для отражения возможного удара со стороны Германии. Как известно, такого решения Сталин не принял.

Что касается утверждения г-на Холмогорова, что в Москве многие важные решения в годы войны принимались помимо

Сталина и даже вопреки его мнению, то это полностью противоречит историческим фактам. Не следует забывать, что это был тоталитарный режим фюрерского типа, причём более жёсткий, чем в нацистской Германии. Поэтому принятие сколько-нибудь важных решений без ведома Сталина, а тем более вопреки ему, было абсолютно невозможно. Это процесс можно проследить по немалому числу документов.

Я хочу призвать коллег, когда они приводят какие-то факты, упоминать о том, какие документы (архивные или опубликованные) имеются на этот счёт. В этом случае, по моему мнению, наша дискуссия станет предметнее.

Константин ЭГГЕРТ

Во-первых, спасибо Фонду Науманна и АИРО-XXI за замечательный сборник — Материалы к Форуму. Мне было интересно прочитать все статьи. У меня даже вся семья прочитала все эти разнообразные высказывания. Редко найдёшь в одном месте столь много пищи для размышления. Так что за книгу отдельное спасибо.

Второе, я, как историк-любитель, не буду говорить о фактах. Мне кажется, что сейчас существует тенденция, которая была выражена в первом выступлении господина Холмогорова, говорить о Сталине, вынутом из какого-либо контекста, говорить как о Сталине-военачальнике. Наверное, это вполне закономерная точка зрения. Вероятно, сегодня в Германии можно найти историков, которые изучают, например, вопрос о том, насколько хорошо Гитлер посоветовался с Генеральным штабом весной 41-го года, решая начать операцию против Югославии и против Греции, а не против СССР, и как это сказалось на войне. И кто был здесь прав, а кто виноват? Но проблема заключается в том, что подобного рода позиция — она не то, что лукавая, она просто не может существовать в безвоздушном пространстве.

А вопрос о Сталине для России — вопрос политический. И отказать от этого, сводить всё к обсуждению того, сколько он директив написал и какие это были директивы, и как на это ответили Жуков или Василевский, невозможно. Поэтому вот эта школа молодых консерваторов неизбежно будет вызывать политическую реакцию на то, что эти люди будут говорить. И с этой точки зрения, наверное, прав господин Доброхотов, взгляды которого я очевидно не разделяю, но он прав: невозможно говорить о Сталине вне контекста советского строя, потому что осуществить то, что он

осуществил, — хорошее это было, или плохое, тут есть разные мнения, как я полагаю, — невозможно вне контекста определённой системы. И проблемы современной России, как я это понимаю, есть следствие этой системы — в том, что российское общество пока не может прийти к консенсусу по поводу того, в каком же, собственно, состоянии оно жило в течение 75 лет.

Вопрос этот очень трудный, потому что в таком состоянии ни одно другое тоталитарное общество не жило — ни в Германии, ни странах-сателлитах. Посмотрим, сколько в таком состоянии Китай проживёт, но он другой, он не сталинский совсем. Поэтому, мне кажется, не стоит призывать к фактической дискуссии, потому что какой-то политический аспект во всём этом будет обязательно. И, как мне кажется, то, о чём говорил господин Доброхотов, стремление как-то зацепиться за дореволюционную Россию, это нормально, потому что история России началась не в 1917 году, а, к сожалению, большая часть населения постсоветского пространства и России считает, что вся история, как она сейчас есть, началась в 1917 году, с революции, или в 1922, с образования Советского Союза. России больше 1000 лет, поезжайте в Новгород Великий, посмотрите на памятник 1000-летию России.

Попытки нынешней российской власти зацепиться то за Деникина, то за Колчака абсолютно закономерны. Эти попытки будут продолжаться. И в этом плане президент Путин, идеологические метания которого мне, может быть, ясны, но не во всём симпатичны, понимает, что для народа (не для нас, для историков и интеллектуалов) этот исторический экскурс необходим. Людей надо чем-то объединить, чем-то сцементировать. Вот поэтому мы видим и попытки реабилитации сталинизма, потому что надо опираться на какой-то опыт, ниточку протянуть где-то там от княгини Ольги до сегодняшнего дня. А если, с точки зрения власти, изымать из этого целый период, говорить о концлагерях, о миллионах погибших, то людям будет очень некомфортно, они начнут задавать ненужные вопросы. Если же мы будем говорить о победах, бить фанфары, то это будет хорошо.

Я думаю, что сегодня мы наблюдаем попытку создания новой идеологии, которая должна помочь власти удержать власть. Сколь долго это продлится, посмотрим. Но мне кажется, что сама по себе дискуссия о чисто военных заслугах Сталина будет объективна только после того, как закончится процесс политической оценки Сталина и того режима, который существовал. Тогда уже можно будет говорить, правильно или неправильно Сталин написал ту или иную директиву.

Николай РУДЕНСКИЙ

Вот тут Мариэтта Омаровна вспоминала о второй половине 60-х годов, когда начиналась ресталинизация нашей историографии, и не только историографии. Мне вспомнились ещё более ранние времена, промежуток между XX и XXII съездами партии, когда преобладала такая оценка Сталина: да, конечно, он совершал ошибки и даже преступления, но тем не менее нельзя не признать его заслуги. Ахматова прокомментировала это так: да, это человек был людоед, но зато он замечательно играл на скрипке.

Сейчас течение, представленное господином Холмогоровым, делает, как я понимаю, несколько новый шаг: говорится, это был замечательный скрипач, а вот людоедом он или не был вовсе, или просто у него тогда была такая диета, впрочем, вполне здоровая и полезная, во всяком случае, в тех исторических условиях.

Совершенно справедливо нас здесь призывали оперировать не столько эмоциями, сколько фактами. Да и сам господин Холмогоров утверждал, что антисталинское течение базируется, в основном, на мифах, тогда как нынешняя тенденция к реабилитации Сталина есть некая рациональная реакция на них.

Но хочу заметить, что, мягко выражаясь, крайне экстравагантно выглядит попытка публициста доказать, что в ходе Второй мировой войны Советский Союз потерял меньше людей, чем Германия. Так же странно выглядит предположение о том, что если бы в Советском Союзе перестало расти население, а потом страна продолжала быстро экономически развиваться, получая при этом американские кредиты, то она бы достигла не меньших результатов, чем Федеративная Республика Германии. И этим доказываются большие государственные таланты Сталина? С таким способом доказательства я сталкиваюсь впервые.

На самом деле, тенденция, озвученная господином Холмогоровым, базируется вовсе не на фактах — у неё есть своя идейная основа. В первую очередь, мне тут видится последовательно проведённый имморализм. Не буду вдаваться в подробности, но об одном не могу не сказать. В опубликованном тексте есть такая трогательная сцена: советский офицер, оказавшийся в конце войны в Германии, рассказывает, как я понимаю, своему сыну о том, как происходил грабёж немецкого населения. И дальше говорится, что без этого грабежа солдат бы не понял и не оценил смысла войны.

Здесь трудно удержаться от эмоций. У всех нас в семьях были люди, которые воевали. И сказать, что только результаты грабежа позволили людям понять смысл войны, — это попросту

надругательство над памятью. Возможно, были и такие офицеры, которые рассказывали своим детям, как, скажем, происходили насилия над женщинами в Восточной Пруссии и как это здорово было организовано. Но есть вещи, которые недопустимы с точки зрения элементарных приличий.

Владимир СЕМЕНДЕЙ

Так как мне приходилось достаточно активно заниматься изучением развития историографии в Балтийском регионе, то мне хотелось бы с этого угла посмотреть на тему, которую мы сегодня рассматриваем. Мне кажется, что достаточно активная политизация рассмотрения вопроса о роли Сталина во Второй мировой войне связана ещё и с тем, что этап политизации новой истории Второй мировой войны начался в Восточной Европе и странах Балтии. И во многом сейчас в России мы наблюдаем реакцию на этот момент.

Мариэтта Омаровна отмечала, что была попытка поставить памятник Сталину. А в Риге поставили памятник Карлису Ульманису, который в 1934 году разогнал сейм и запретил партию, устроил репрессии против социал-демократов и многие вещи другого порядка совершал. Тем не менее, там не прислушались к тому меньшинству латышской элиты, которое выступало против установки такого памятника, поскольку его роль в событиях 40-го года весьма специфична. Поэтому давайте будем отмечать, что это не только в России происходит.

Процессы политизации истории идут везде. В той же Риге в музее оккупации при поддержке посольства Австрии были проведены выставка и конференция, посвящённые австрийским военнопленным в Советском Союзе. Основная мысль — советская администрация относилась излишне негуманно к австрийским военнопленным. Это мероприятие было подчёркнуто проведено в музее оккупации в Риге, — не в Москве, Петербурге, на Урале, а именно там.

Идёт определённая историческая война. История и историография стали определённым политическим инструментарием. Создана инфраструктура для этого — есть историки при президенте Латвии, музей оккупации как научно-пропагандистский орган и др. Поэтому будем исходить из того, что волна новых консерваторов, которых представлял господин Холмогоров, это определённая реакция. Да, можно отмечать, что она в какой-то мере актуализировалась в связи с юбилейным годом. Тем не менее, это реакция

на ту версию истории, которая сейчас активно культивируется в странах Восточной Европы и, в данном случае, в странах Балтии.

А к чему мы должны прийти в восприятии Сталина? Мне кажется, что в исторической перспективе он должен восприниматься как, скажем, Александр Македонский, тоже много чего совершивший. И это выгодно России, потому что должно сложиться спокойное понимание роли и величия этой персоны, его преступлений и всего того негатива, что она повлекла за собой. В то же время постоянное ковыряние и педалирование темы преступлений Сталина является шагом к развязыванию идеологической гражданской войны в России. Мы с вами знаем, что общество у нас не хочет этого, оно не хочет копаться так глубоко. С этим, безусловно, связаны и нестыковки различных пластов истории: дореволюционной России, белой России, советской России.

В этой связи хотелось бы отметить то, что рассказывал господин Эггерт о попытках президента Путина увязать всё вместе. Мне кажется, это нормально. Есть такой социальный заказ от российского общества. Оно хочет смотреть в будущее, а не разбивать в щепки какой-то кусок своего прошлого.

Лидия МАКСАКОВА

Дорогие друзья! Я из того поколения, которое здесь представлено уважаемыми профессорами Яковом Дракниным, Александром Галкиным. Мы с одного курса. Весь наш курс Истфака МГУ участвовал в войне, 28 студентов погибло.

Я очень внимательно прочла «Материалы к Форуму». Молодцы вы, что это сделали, сделали как всегда прекрасно. Полностью поддерживаю Мариэтту Чудакову и, конечно, абсолютно не согласна с Егором Холмогоровым. Если бы он был участником тех событий, как мы, как моя семья, в которой в 37-м мой сводный брат погиб мальчиком двадцати с небольшим лет, мой отец пострадал, его (удивительно!) не посадили, но он был снят с постов отовсюду.

Но я хочу дать слово не себе, а замечательному философу-историку, фронтовику, награжденному солдатским орденом Славы, Михаилу Гефтеру. О том, кто победил в войне, Гефтер размышлял всю свою жизнь. Его вывод: победителем оказался Тёркин. Пояснение: в человеческой плоти дух освобождённой тяги человека стал распределителем собственной судьбы.

Гефтер писал: «Можно назвать гигантской стихийной дестабилизацией, которую вызвали роковые неудачи, катастрофы первых

лет войны. Могу призвать к этому доказательству множество фактов, обстоятельств, биографий, но опускаю, ибо уверен в правоте своих предположений. Тёркин прежде всего сам себе хозяин, и у него в напарниках только одна противостоящая ему война, суммированная, сконденсировавшая всё человеческое бедствие и страшным образом повелевающая судьбами. Ей, её повелительной силе он противопоставит как хозяин и потому, как он свободный человек. Передача ощущения этой свободы — редчайшее достижение гения Твардовского, который и сам себя в нём ощутил свободным. Это вроде исторического возмездия за 30-е годы. Мысль эта может показаться кощунственной. Неужели требовалось принести в жертву ещё большие миллионы, чем было в 30-е годы, чтобы выровнялись весы справедливости? Страшно сказать, но так. Это даже не возмездие, тут другое слово уместно: искупление».

Эти слова из книги Гефтера, которая сейчас находится в издательстве. Но я хочу представить участникам дискуссии книгу о 28 наших погибших мальчиков и двух девушках с Истфака МГУ. Это книга писем и воспоминаний о наших ребятах. Это ещё одно свидетельство в подтверждение того, о чем говорил Мариэтта Чудакова. В заключение этой книги говорится: «Их голоса умолкли свыше столетия назад. А теперь звучат как впервые. Вслушайтесь в них, чтобы понять, их понять, тем самым понять себя, живым мертвые не назидают, не рвутся служить примером, они тихо зовут: доживите, долюбите, дотворите за нас».

Анатолий ЧЕРНОБАЕВ

Форум полезный, интересный. Свидетельство этому — изданные к нему Материалы. В них очень много любопытного. Но если брать крайние позиции об оценках итогов войны, о роли Сталина, то я ни с одной из них не согласен. Это относится и к сегодняшним выступлениям, которые открыли нашу дискуссию. В частности, обратили ли внимание все присутствующие на то, что содержалось и в выступлении г-на Холмогорова и г-жи Чудаковой. Они оба настаивали на том, что всё сказанное ими согласуется с фактами. Но вообще говоря, это не всегда так.

Уже обращалось внимание на тот вывод г-на Холмогорова, что советская разведка давала неточные сведения о численности немецких войск на границах. Немало возражений вызывает и позиция г-жи Чудаковой. По правилам дискуссии, о которых нам напомнил один из ведущих, я могу сказать только так: я с Вами не

согласен. Не хотелось бы останавливаться на отдельных позициях, отдельных моментах, но главное, что вызывает несогласие, если судить по тексту Вашего выступления, это некое противопоставление мнения граждан страны, населения и Вашей позиции, Вашей точки зрения.

Вы сегодня подчеркнули, нужно уважать мнение меньшинства. И это бесспорно. Но нужно уважать мнение и большинства, по тем позициям, которые нашли отражение в итогах войны, её результатах, в том числе, и по отношению к Сталину. И главное здесь в том, что надо задуматься над вопросом, почему именно сегодня появилась идея реабилитации Сталина, с чем это связано. Ведь сколько всего было издано, опубликовано о его преступлениях, ошибках и т. д. Тем не менее, этот процесс идёт. Почему? Я бы ответил так: в этом реакция людей на современность, которая вызывает у многих отторжение.

Я не могу согласиться и с утверждением о том, что все факты уже давно выстроены. Это совершенно не так. Скажем, только в нашем журнале за последние 10 лет (а мы публикуем только ранее не публиковавшиеся архивные материалы) помещено около ста подборок архивных документов по самым разным сюжетам: канун войны, различные периоды войны, о Сталине, Мехлисе и т. д. и т. д. Это целый том. Естественно, это делаем не только мы.

Я снова возвращаюсь к тому, что здесь уже прозвучало: обязательно необходимо дальнейшее введение в научный оборот архивных материалов; важно, чтобы они всё-таки находили отражение в дискуссиях, телефильмах, кинофильмах, учебниках и литературе.

Игорь ПЕВУНОВ

Я простой человек и никакую организацию не представляю. Пришёл сюда как свидетель всеобщего энтузиазма советского народа в первый день войны, свидетель трепетного ожидания и последующего выслушивания выступления Молотова. В течение позволенного мне времени хочу коснуться трёх тем.

Во-первых, меня очень удивляет, что всюду замалчивается, что советский народ под руководством Сталина начал готовить свою победу задолго до начала войны, ещё в 30-х годах. Если бы не сталинская политика, России не пришлось бы 60 лет гордиться своими дважды- и трижды- героями Советского Союза лётчиками Кожедубом, Покрышкиным. Немецких лётчиков готовили в городе Липецке, в городе, на который не упала ни одна немецкая бомба

во время войны, в благодарность всем тем девушкам, с которыми дружили немецкие летчики. Россия не могла бы гордиться также великим танковым сражением под Прохоровкой, если бы немецких танкистов не готовили под Казанью. И артиллерию бы не назвали богом войны, если бы немецких артиллеристов не готовили под Саратовом. Конечно, это всё известно, но почему-то замалчивается, также как замалчивается то, что если бы в составе войск, блокировавших Ленинград, не было бы финских войск, то Ленинград был бы захвачен немцами.

Второе. Нам показывают по телевидению, что в балтийских государствах сейчас проходят парады нацистов, которые вступали в немецкую дивизию СС «Галичина», и сколько людей они убили. Но почему-то замалчивают, что ведь кто-то расстреливал наших советских людей, по 3000 в день. Они же были, но о них молчат. Будто люди сами себя стреляли. И эти люди-расстрельщики до сих пор получают не просто пенсии, а повышенные пенсии, как оказавшие большую услугу государству. И если российское государство сейчас продолжает сейчас им выплачивать эти пенсии, значит, оно продолжает ценить их работу.

Третье. Никто почему-то не задумывается о том, что России, как и всей Европе, очень повезло, что Гитлер неожиданно напал на Россию в 1941 году, а не двумя годами позже. Вот я вам прочитаю с Нюрнбергского процесса кусочек, который академик Майский упрятал: «Ещё одно прозвучавшее вполне буднично заявление министра вооружения Шпеера на Нюрнбергском суде. Американский судья Джексон спросил Шпеера, проводились ли в Германии опыты и исследовательские работы в области расщепления атома. К сожалению, ответил Шпеер, мы не достигли в этой области достаточных успехов, мы слишком отстали в этом вопросе, нам потребовалось бы ещё один-два года. Что-то похожее на стон прошло по залу. Разве оставались после этого какие-то сомнения, что, будь у него в руках атомная бомба, он бы не задумался применить её в интересах победы нацизма, хотя бы и ценой гибели большей части всего человечества».

Александр ГАЛКИН

Ход дискуссии побудил меня вступить за историческую науку. Здесь присутствуют авторы очень многих книг, очень интересных книг, посвящённых проблемам Второй мировой войны. Тем не менее, меня не оставляет ощущение, и наша дискуссия укрепила его, что часть наших историков и обществоведов придерживается

пресловутого тезиса Покровского о том, будто история — это политика, опрокинутая в прошлое. Я имею моральное право утверждать это, потому что в своё время отдал дань такому подходу. Конечно, все мы люди, все мы человеки. У нас есть свои эмоции, есть свои системы ценностей. Но всё-таки следует всё время помнить, что политика, опрокинутая в прошлое, это не историческая наука, а то, что теперь называют «пиаром». Разумеется, «пиар» имеет право на существование. В условиях демократии это нормальная форма политической борьбы. Просто каждому следует отдать своё: пускай тот, кто занимается «пиаром», пусть занимается им, а тому, кто занимается историей, надо заниматься именно ей. Ведь когда историю подменяют «пиаром», мы получаем не ответ на вопрос, как это реально было, а информацию, какой аспект этого прошлого политически выгодно использовать в нынешних условиях.

Но беда ещё и в другом. Когда относятся к истории как к «пиару», то тогда сужается сфера исследований. Разумеется, есть важные сюжеты, которые с полным основанием подолгу находятся в центре внимания. Это, прежде всего, пакт Молотова–Риббентропа, роль Сталина в решениях Ставки, масштабы людских потерь и др. Но Вторая мировая война к ним не сводится. Есть ряд важных проблем, которые с точки зрения «пиара» не интересны и поэтому как бы выпали из исследовательской сферы. Назову, например, вопрос, был ли правильным и оправданным тезис о безоговорочной капитуляции Германии? Во всяком случае, я не сталкивался с обстоятельными дискуссиями по этому вопросу. А это ведь очень непростая проблема. Выдвижение этого тезиса знаменовало собой отход от традиций европейского ведения войны. Проведение вытекающей из него политики приводило к сплочению немецкого народа вокруг Гитлера, ибо создавало впечатление об угрозе существованию нации. Она была чревата нарушением равновесия в послевоенной Европе, поскольку из международного порядка выпадала одна из великих держав. В своё время никто об этом всерьёз не подумал. Быть может, выдвигая этот тезис, кое-кто руководствовался благородными идеями. Но благородные идеи не всегда оказываются позитивными с точки зрения реального политического процесса.

Позволю себе также поставить другой вопрос, по которому до сих пор не ведётся настоящей содержательной дискуссии: а нужно ли было делить поверженную Германию на оккупационные зоны, правильно ли то, что такое членение продолжалось в течение десятилетий? Сколько лет нужно оккупировать страну, чтобы установить в ней демократию? И являются ли штыки подходящим средством для этого?

Ещё один важный вопрос, на который нет настоящего ответа. Почему державы, выигравшие войну, по сути дела, проиграли мир? А ведь в день Победы в мае 1945 года десятки и сотни миллионов в десятках стран вышли на улицы, охваченные неповторимым восторгом, но не только потому, что перестали стрелять, а прежде всего потому, что все верили: наконец-то, наступает принципиально новый лучший мир. А этот новый лучший мир так и не наступил: не сложился миропорядок, который бы исключил возможность новых войн, не установилось и не получилось всеобщего торжества демократии. Не нашлось прививки против фашизма, которую, вроде бы, должна была дать победа над ним.

Все эти вопросы заслуживают серьёзного обсуждения с позиций настоящей исторической науки.

ВЕДУЩИЙ. Переходим к подведению итогов дискуссии по первой теме нашего Форума.

Егор ХОЛМОГОРОВ

Коллеги, я хотел бы поблагодарить вас за интересные реплики и критические замечания. На самом деле, и мне это приятно, не ожидал встретить достаточно высокий уровень если не поддержки, то понимания той позиции, которую я хотел сформулировать. Хотел бы пройти по основным ключевым пунктам тех замечаний, которые здесь прозвучали.

Принципиальное замечание, и как бы упрёк в адрес младоконсерваторов, это попытки выделить Сталина из общего контекста советской истории. Таких попыток, в общем-то, нет, просто нужно каждый раз уметь сосредоточиться на одном сюжете, потому что нельзя объять необъятное. Очевидна самая непосредственная связь была между тем, что происходило в СССР до войны и после войны, между той архитектурой советского строя, которая создавалась сначала как бы большевиками, как политическим режимом в целом, потом Сталиным как реформатором этого большевистского режима.

Здесь точно также может быть проведён чёткий и ясный анализ плюсов и минусов в общем историческом контексте. Но хотелось бы подчёркнуть, что очень не хочется вырывать советский период, как очень часто делают представители левых сил, от всей совокупности российской русской истории. Сталин должен быть осмыслен в этом большом историческом контексте, а не только в контексте послереволюционного периода.

Следующая достаточно важная тема. Вот я хотел бы ответить коллеге из «Граней.ру» по поводу грабежа, поскольку это обвинение не столько историческое, сколько моральное. Я ни в коем случае не утверждал, что советские солдаты и офицеры иначе бы не поняли смысла войны. Непонятно, морально непонятно в этом случае было бы другое: все к тому моменту прекрасно знали, что творилось на оккупированной советской территории. В том числе Ассоциация исследователей российского общества публиковала материалы, посвящённые преступлениям вермахта и следовавших за ним частей на территории Советского Союза, на территории России. Ничего сравнимого по жестокости Красная Армия на территории Германии не допускала, массового террора, массового сожжения деревень, уничтожения городов не было. Я думаю, что здесь всё-таки у немцев к нам не может быть никаких претензий. Это было достаточно волевое, жёсткое политическое решение.

Все прекрасно помнят знаменитую, в общем взвинченную статью Эренбурга, которая вела в бой солдат во время всей войны: «Убей немца!». И мы прекрасно помним, что при вступлении советских войск на территорию Германии появилась в «Правде» статья Александра: «Товарищ Эренбург упрощает», где этот лозунг был полностью снят. И, понятное дело, это требовало достаточно жёстких организационных мероприятий по линии НКВД и по линии политуправлений и командования для того, чтобы естественная атмосфера жестокой войны (та же самая Германия видела в начале XVII века во время 30-летней войны, истребившей четверть или даже треть населения страны) не повторилась.

Из человеческой истории мы знаем два архаических механизма воздаяния за злодеяние — либо месть, либо вира. Выкуп. Война это всегда архаика — и вопрос стоял, в общем-то, только так. Или красноармейцы будут стоять перед постоянным искушением посчитаться «кровь за кровь» за то, что творили немцы на нашей территории, или им будет создана и официально одобрена целостная система материальных компенсаций за несовершенную месть, тех самых трофеев. Конечно, сейчас в западной публицистике можно встретить немало демагогических рассуждений на эту тему, но, если честно спросить немцев лицом к лицу — хотели бы они в 1945 потерять полтора десятка миллионов человек, в качестве расплаты за потери народов СССР, думаю не нашлось бы никого, кто сказал бы «да, убейте 15 миллионов, только велосипед не троньте».

Цена войны. Я понимаю, что мои статистические рассуждения для многих были неожиданны, но заметьте: я не говорил об абсолютных цифрах потерь. СССР потерял больше в войне и в

мирном населении, и в армии и т. д. Дело в соотношении объёмов Германии и СССР (ведь не забывайте, что Германия была значительно менее населённой страной). Я хотел показать одно: то, что Гитлер, недостаточно компетентный, авантюристичный политический и военный руководитель, допустил в ходе войны с Советским Союзом, вне её идеологического контекста, перенапряжение военных, экономических и духовных сил немецкого народа и всех тех, кто был на этот момент ему подчинён. Сталин себе подобной авантюры не позволил. Советские дивизии, за исключением самых острых моментов октября–ноября 1941 года не бросались в бой неподготовленными. Вспомните разговоры Сталина по прямому проводу с Тимошенко в июле–августе 1942 года. Тимошенко требовал: дайте мне дивизии. Сталин на это: если бы я мог купить дивизии, я бы вам их дал. Все прекрасно знают, что у него были на этот момент резервные армии, но ещё не прошедшие подготовку, ещё не готовые на этот момент, чтобы быть брошенными в мясорубку войны.

Германия вела войну сперва без напряжения всех своих сил. Но затем ей пришлось перенапрячься так, что это подорвало её военный потенциал. Советский Союз очень быстро, несмотря на потери в территории и населении, мобилизовал свою экономику, всё общество, но никогда и нигде не допустил надрыва, перегрева своих сил. Никто не может сказать, что СССР вышел из войны, несмотря на колоссальные разрушения, экономически и психологически надломленным. Напротив, война привела к внутреннему усилению нации. И дело тут не только в победе — Франция победила в 1-й мировой, но вышла из войны надломленной, Великобритания победила во 2-й мировой, но опять же вышла из войны сломавшейся. СССР вышел из войны действительно усилившись, несмотря на огромный материальный и демографический ущерб.

Мариэтта ЧУДАКОВА

Сначала позволю себе сказать о двух частных вещах: о наших потерях и о том, были ли разведданные доступны анализу.

Хотя Гудков учит быть осторожным с воспоминаниями, но я считаю, что они важны, пока ещё есть. Если бы мы собрали очень много воспоминаний, то получили бы очень интересную картину.

Года два назад я пришла к такому соображению и повторяла его в эту весну: особенно странно то, что положительное отношение к Сталину многих людей (до 52% доходит) наблюдается сегодня в стране, где нет семьи, в которой не назвали бы какого-то

родственника, который погиб или был сослан, провёл годы в лагерях — у кого так или иначе была исковеркана жизнь. Мой младший коллега пустил это в Интернет, упростив и тем отчасти исказив мою мысль: нет семьи, в которой не было бы... И тогда господин Холмогоров ответил, один из двух или трёх среди сотен, что в его семье не было никого, кто пострадал. В собственно его семье — то есть родители и дети и дети — это понятно и не о том у меня была речь. Смею Вам посоветовать: покопайтесь как следует. Наверняка, бабушка с дедушкой скрывали от Вас информацию о дальних родственниках, жалея семью...

А вот что касается потерь в войне и что касается разведки. Мой отец был убеждённый коммунист, сталинист, у него даже мысли не могло быть сомневаться в Сталине. В июне 1941 года он отправил семью отдыхать (жену с тремя детьми, беременную, а один старший был ещё дома), а сам поехал в Керчь, в командировку. Прошло 4 дня, семья устроилась в Евпатории, и вот наступило 14 июня. Мой отец прочёл на газетном стенде заявление ТАСС и, будучи абсолютно не сомневающимся коммунистом с 19 лет, он пошёл, ни секунды не медля, на телеграф и дал маме телеграмму: «Немедленно возвращайтесь в Москву». Она, посоветовавшись с моим 14-летним братом, не послушалась его. Через 8 или 9 дней отец примчался за семьей и всю дорогу ругал мою мать: если бы ты меня послушалась, я бы давно был на фронте, а тут вынужден возиться с вами. Он ушёл добровольцем от 4-х детей и беременной жены — был научным сотрудником, заведующим сектором в институте,, а ушёл рядовым. Это что касается того, можно или нельзя было понять данные разведки. Очевидно было рядовому, но здравомыслящему человеку, что сосредоточение немецких войск по всей границе — угрожающе. Перехожу к вопросу о потерях. Из-под Сталинграда (после него отец прошёл Курскую дугу, дошёл до Эльбы без единой царапины) он не написал ни одной открытки. Это вот семейная история. Мама его упрекала после войны: как же ты мог не писать? Он отвечал так: Клавоочка, а зачем? Я знал, что отсюда живым не выйду, от полка осталось 8 человек (он не раз повторял эту цифру, на что военные все и невоенные ахали), я был уверен, что тоже здесь останусь и хотел, чтоб вы привыкли, что меня уже нет. А мой брат ушёл по призыву в 1943 году. Из Сокольниковского военкомата тогда ушло 300 человек, они все довольно много времени провели вместе, в Скопине учились на младших лейтенантов, потом долго жили в казармах, потом долго ехали до Польши. Естественно, сдружились, все 300 знали друг друга по имени. Вернулось их трое. Это вполне совпадало, как потом выяснилось, с процентом: из призыва 1924–1925-го года рождения только 3% выжило.

Когда ввели Минуту молчания, мы всегда собирались сначала у обоих родителей, потом у одной мамы, брат всегда торопился домой к 6-ти вечера, он говорил: я всегда в эту минуту сижу перед телевизором и плачу о своих погибших ребятах, я вспоминаю их поимённо. Поэтому говорить о Сталине, как он смог хорошо провести войну, чтобы не было потерь, — надо трижды подумать прежде, чем рот открывать на эту тему.

Конечно, что всё замешано у нас на неподведённых итогах. Всё сейчас перевернуто с ног на голову. Поэт Алексей Цветков, отсутствуя здесь у нас 4 года, потом давал растерянное интервью: «Все говорят, что ты такой политизированный?» Он отвечал: мне это напоминает разговор с шофёрами, впрочем, в Европе, откуда я приехал, и шофёры говорят о политике. И задал тогда вопрос: «А кому же вы оставили свою страну, ведь это ваша страна?». Как же не говорить о политике?

И последнее. Времени очень много пропущено для подведения итогов страшного прошлого. Люди сопротивляются и это очень понятно: им тяжело представлять историю своей страны как череду кровавых абсурдов, очень тяжело. Что же делают те, которые хотят, вроде бы, идти навстречу народу? Они делают только хуже. Потому что выдвигая имя Сталина, вновь утверждают: личности нет, народа нет, отдельных людей нет. Тогда как я считаю, и я написала об этом большую работу, нужно говорить о потрясающей роли личности в истории России XX века. Надо говорить о личностях, которых мы забыли, — их было тысячи, десятки тысяч людей, умевших под огромным прессом, находясь в камере, в ссылке, влиять на людей вокруг себя и в конечном случае на духовный климат в стране. И не только на духовный, а совершать, выйдя на свободу, массу важных в культуре и в жизни действий, несмотря на ужасные условия.

А у нас даже Кошкина, автора Т-34, о котором я написала в «Грани.ру» статью под заглавием «Любим ли мы соотечественников?», человека, потрясающая роль которого в войне (хотя он умер перед войной) должна быть каждому известна, у нас его, — а я спрашивала военных, полковников, заместителя по воспитательной части Кадетского корпуса в Омске, — не знают. Вот в чём, помимо много другого, маразм сосредоточения на одном имени Сталина.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо, Егор Станиславович и Мариэтта Омаровна.

По принятым у нас правилам ведения дискуссий мы просим одного из участников Форума выступить с заключительным комментарием. По первой теме прошу сделать это профессора Логинова Владлена Терентьевича.

Владлен ЛОГИНОВ

Я думаю, что профессор Галкин точно сформулировал главную проблему — вопрос, который мы обсуждаем, ещё не стал предметом науки. Мы настолько завязаны все и настолько политизированы в нынешней ситуации, что иногда находимся просто за пределами науки, и это происходит, кстати, с обеих сторон. Тут дело не в том, чтобы найти какую-то среднюю линию, а в том, чтобы это перестало быть предметом «пиара». Иначе ничего из этого не получится.

Сама постановка вопроса о возвращении Сталина находится за пределами науки. Когда здесь сказали, что это реакция на какую-то историографическую традицию, то она имеет значение для достаточно узкого круга людей, которую называют сейчас тусовкой. А вот по отношению к тому, что сейчас происходит в сознании масс (здесь коллега-дипломат правильно сказал), то это не чисто-русская проблема.

У Тойнби, кажется, есть по поводу Александра Македонского такое: отношение к лидерам и вождям — это процесс самопознания народа. А почему сейчас золотой памятник льют Чингиз-хану? Почему казахские и монгольские учёные спорят между собой, кем является по этнической принадлежности Чингиз-хан, казах или монгол? Или вокруг Наполеона страсти? Или вокруг того же Александра Македонского? Это процесс самопознания народа. В тот момент, когда мы подходим к этой проблеме по сугубо личным воспоминаниям, которых, безусловно, много у каждого из нас, здесь кончается наука.

Помните, был такой небольшой экономист Маркс. Он говорил: когда учёный подходит к предмету исследования с заранее известной ему оценкой, он становится человеком вне научным. Вот это, мне кажется, главная проблема, которую нам надо преодолеть.

Поскольку здесь речь всё время шла о народе, — народ, народ, народ, — я хочу просто обратить ваше внимание на то, что происходит. У нас впервые в истории России называть народ быдлом стало не стыдно. Вспомните все прения в Думе насчёт гимна. Мы все делаем вид, что ничего не происходит. А то, что мы каждый год теряем по миллиону населения. А то, что Россия потеряла огром-

ные территории, которые, бесспорно, были исконно российскими. И это не проблемы империи. Возьмите сознание людей. Вот в чём проблема, а не в том, как мы оцениваем донесение разведок.

Наука всегда существовала — и при Сталине, и до Сталина и т. д. И всегда было давление на науку. Давайте всё-таки попробуем выйти за рамки этих страстей. А у нас, когда начинаются страсти, все сводится к вопросу: отрекаетесь или не отрекаетесь, да или нет... Но это, простите, не для учёного разговора.

ВЕДУЩИЙ. Уважаемые коллеги, продолжаем нашу работу. Тема второго заседания —

Старо-новые мифы о войне и проблемы манипулирования памятью о ней

Прошу открыть дискуссию Льва Дмитриевича Гудкова и Дмитрия Александровича Андреева.

Лев ГУДКОВ

Не повторяя текста, который опубликован в сборнике материалов к Форуму (а этот сборник интересен скорее именно своей провокативностью, тем что под одной обложкой собраны противоположные, иногда шокирующие позиции, что в некотором смысле полезно, потому что мы иногда плохо представляем себе расстановку идеологических позиций в обществе), я постараюсь на материале социологических исследований о состоянии массового сознания и массовой культуры затронуть проблему системы ценностей и оценок политических событий, нынешней политики, связанных с прошлым, с войной.

Сама по себе апелляция к прошлому является чрезвычайно важной в реакции на происходящее политических элит, интеллектуального сообщества и массового сознания. Если говорить о последнем, то есть массовом отношении к войне, то важно учитывать, что сегодня мы имеем дело с моментом смены поколений, уже вторым или даже третьим с тех пор, как закончилась война.

Последние исследования нашего центра по этой тематике фиксируют заметную смену представлений и войне и её символического значения. Молодёжь сегодня несколько иначе относится к Великой Отечественной войне, чем, например, моё, послевоенное

поколение или тем, более — ветеранов, участников или современников. По данным опросов, проводившихся в мае–июне этого года, очень большая часть молодежи, около трети или больше, уже не рассматривают праздник и 60-летия Победы как *свой* праздник, это либо праздник ветеранов, либо государственный, официозный праздник, либо — вообще как показуха, как торжественная демонстрация российской властью народного единства и силы главам других стран, чтобы те не забывали о прошлом ослабевшей великой державы.

Массовое посттоталитарное сознание россиян представляет собой комбинацию двух состояний, двух ценностных или остаточных идейных комплексов. Первый, связанный с повседневным опытом страдания, репрессий, смерти, будничной тяжестью войны, сегодня практически вытеснен из массового сознания и не является предметом актуальных переживаний. Но совсем он не ушел, что очень важно, а сохранился как дальний горизонт восприятия происходящего, как коллективное подсознание, аморфное и диффузное чувство ужаса от тех времен. Более структурированным является второй комплекс представлений, связанный с официальной версией войны, сложившейся в 60-е годы, точнее закрепившейся тогда. Это сталинско-генштабовская, мифическая персия войны, сводящейся к изложению событий как цепочки мер планомерной организации работы партии, правительства и военачальников по достижению победы. Все отдельные факты и события здесь представлены как звенья тотально рациональной и телеологически интерпретированной схемы противостояния первой социалистической страны немотивированной агрессии чужих государств, крайних форм западного империализма, стремившихся любыми средствами уничтожить СССР, оказывающегося в этой мифологической картине жертвой, но и героем-победителем сил мирового зла.

В этом усечённом варианте война начинается только с 22 июня 1941 года, то есть не затрагивается то, что было перед этим — сговор с Гитлером, нападение на Польшу, Финляндию, оккупацию Прибалтики. Война рассматривается только как планомерный процесс победы. Поэтому победа сегодня оказывается опорным символом национального сознания, единственным бесспорным достижением страны, которым можно и следует гордиться, потому что больше уже гордиться нечем.

Победа компенсирует нынешнюю ущербность, неполноценность массового национального сознания, вызванного пониманием отсталости страны, её нищеты и частично — закономерности краха советской державы, победа восстанавливает и утверждает национальное достоинство советских людей, ставших нынешними

русскими и пр. Это очень важные вещи. Двусмысленность этого символа (победы) в том, что победа рассматривается не столько как триумф героев-победителей нацизма, сколько как национальное торжество советской тоталитарной системы над чужими системами. Победа не только венчает, но как бы очищает, возвышает и оправдывает войну, закрывая при этом огромное количество тем — всю негативную сторону войны, причины войны, характер её ведения, отношение к другим участникам, действия руководства и саму природу войны.

Война, точнее, победа в войне, легитимирует всю имморальную конструкцию истории, советской истории от момента её возникновения в 1917 году до полетов в космос, оправдывает массовые репрессии, коллективизацию, искусственный голод и повседневную нищету, обеспечивает апологию режима, закрывая тем самым от рационализации и понимания всю природу этой системы. Продолжение закрытия этой темы самим триумфом победителей — чрезвычайно важная и идеологически значимая позиция нынешних властей, остро нуждающихся в любых источниках легитимации (а потому эклектически подбирающих и либеральные аргументы в дискуссиях с западными партнерами, и отсылки к революционному прошлому, и прах генерала Деникина или монархические и православные сюжеты утешительной мифологии национальной истории), поскольку нынешняя система действительно испытывает сильнейший дефицит легитимности.

Нынешняя власть очень неустойчива, она очень хрупкая, поэтому тащит всё, что можно для санкционирования собственного режима существования и повышения своей авторитетности. Она подбирает всё, что угодно: белогвардейцев, Куликовскую битву, Сусанина с поляками, лишь бы были ещё какие-нибудь дополнительные опорные точки. Но упорядочивает и венчает всю эту систему легенд героизации прошлого именно Победа.

Я думаю, что не случайно молодое поколение идеологических эпигонов и, в частности, группа консервативных историков-дилетантов, принимается за реабилитацию Сталина, за введение этой фигуры, используя уже отработанный ресурс идеологических штампов. Здесь, конечно, нет новой позиции, нет нового научного понимания прошлого. Но есть провокация, обеспечивающая какой-то ресурс самоутверждения и перспективы частичного признания в обществе. По существу, то, что представляет публике Е. Холмогоров, является чуть подновленной версией возвращения культа Сталина, созданного коммунистической бюрократией в ситуации кризиса смены власти (от Хрущёва к Брежневу).

Официальная версия войны как телеологии Победы означает, что из массового сознания полностью вытесняются несколько важных вещей, прежде всего, агрессивная природа советского режима (коммунистический экспансионизм и милитаризм — важнейшая характеристика и составляющая всех тоталитарных государств, милитаризм — чрезвычайно значимая часть мобилизационного, репрессивного общества), а значит, устраняется из обсуждения и критического осмысления проблема цена войны — человеческая, социальная, экономическая, а с этим, если хотите, моральная, метафизическая, ответственность руководства страны. Всё это полностью снимается. Самим фактом триумфа победителя утверждается имморализм силы, право силы, которое остаётся и сегодня чрезвычайно важным компонентом практической политики, как мы видим это на пример не только чеченской войны, но и отношения к соседям.

Мы победили фашизм как величайшее зло в мире, а потому — мы правы только потому, что победили. Проблемы морали, цены войны, ответственности руководства страны в принципе снимаются, ибо любому вопрошающему об этом немедленно затыкают рот как человеку, нарушающему табу, оскорбляющему память павших и жертвы, принесенные народом в этой чудовищной войне.

Я хочу повторить сегодня уже звучавшую тему: преступление одного не является оправданием преступлений другого. Для того чтобы представить всю сложность картины исторического прошлого, мы должны поставить себе задачу понять других, их мотивы, их точки зрения, только так мы можем увидеть и понять себя. То, что право победителя становится и моральным оправданием насилия (и государственного, будь то экспансионистское насилие или внутренние репрессии), и повседневного, массового, бытового, сегодня полностью скрыто от анализа учёных или публичных аналитиков. И здесь, добавлю, огромная ответственность лежит на самом интеллектуальном сообществе России, в том числе и историков, трусовато обходивших эти темы.

Историческая наука у нас до сих пор не перестала быть советской, при том, что появилось очень много работ и замечательных работ, которые указывают на характер подготовки к будущей войне, военно-промышленной модернизации, развертывание упреждающей военной пропаганды, механизмов поддержания состояния хронической мобилизации и т. п. Но эти работы, в отличие от выступлений историков-дилетантов, обозревателей на радио, ТВ и т. п., остаются замкнутыми в локальных сообществах специалистов и никогда не выходят на публичное обсуждение. В результате воспроизводится прежний миф о победе в войне. Это не коллек-

тивная память о войне, это хорошо организованный, структурированный, институциональный продукт, созданный поколениями советской интеллигенции, бюрократии, партийных работников, редакторов, кинорежиссеров, комментаторов, историков, школьных учителей. Поэтому и сегодня эта мифология остается единственным, безальтернативным и организованным целым.

Массовое сознание (сохраняя привычную двойственность отношения ко всему, что говорит и делает государство, что-то, ещё удерживая от опыта выживания людей старшего поколения в условиях военного общества) не может сопротивляться воздействию этой одномерной, хорошо упакованной, организованной и постоянно институционально воспроизводимой риторической конструкции. Поэтому реакция масс на такого рода подачу официальной интерпретации — сдержанно-настороженное, смесь доверия и пассивного недоверия или вялого сопротивления пропаганде, когда она становится уж очень громким славословием. Слушать лестные речи для обывательского сознания приятно, но всегда у него остается ощущение, что за всем этим кроются какие-то интересы начальства, всегда готового что-то отобрать или заставить делать то, что противно человеческой натуре.

У меня кончается время. Ещё несколько слов по поводу возвращения Сталина. Как бы ни была велика роль у старшего поколения этой фигуры, отношение к которой воплотило все комплексы ущемленного и обиженного тоталитарного человека, всё же подавляющее большинство россиян (в разные годы от 49 до 57 процентов) считают, что он — злодей, что он принес стране гораздо больше плохого, нежели хорошего, и не хотят его возвращения. Большинство населения, в разных группах это по-разному — у молодёжи сильнее, у старшего поколения слабее, не желает возвращения Сталина. Сопротивление возобновившимся попыткам восстановить его авторитет очень устойчиво (оно сказывается не только в преобладании негативных оценок его деятельности в советской истории, в меньшей степени — его роли как главнокомандующего во время войны, но и в нежелании вернуть прежние названия городов, в которые входило его имя, например, Сталинград).

То же самое можно проследить и в отношении официальных версий оккупации Прибалтики (в меньшей степени — раздела Польши). Как пример, один из последних опросов, проведённых в августе 2005 года, по поводу того, было ли добровольным включение балтийских стран в состав СССР. 31% опрошенных ответили на этот вопрос положительно — да, было добровольное объединение, мы для них — «освободители»; но 46% говорят, что это

было принудительное присоединение, был сговор, принуждение, давление со стороны СССР.

Я ещё раз повторяю, коллективное сознание не может сопротивляться организованной пропаганде, оно может только реагировать общим недоверием и отчуждением. Поэтому почти 70% (точнее, 68%) считают, что нам не говорят всей правды о войне, мы не знаем, от нас скрывают. Воевали, совершенно ясно, в «три наката», заваливанием трупами, потому что страна была не готова к войне, потому что войне предшествовали репрессии в армии. В этом смысле победная версия дополняется скептическим и ироническим отношением со стороны масс. Оно идёт со стороны опыта: семейного, коллективного, оно диффузно и не артикулировано, но чрезвычайно значимо. Последствиями этого положения дел следует считать общее разложение или распад идеологической системы, рост отчужденности от прошлого, его вытеснение, и — в конечном счете — имморализм. Имморализм нынешний, массовый — вещь очень серьёзная, (именно в качестве реакции на него возникают разные версии нового, суррогатного фундаментализма, в том числе — православного, монархического или неосталинизма). Это следствие не проработанности опыта прошлого, слабости или неспособности интеллектуального сообщества говорить о важнейших проблемах истории страны и её настоящего. Все знают, что реальная война была другой, и вызвана была другими причинами, чем это излагается в учебниках или юбилейных телевизионных передачах. Но аргументов нет, интеллектуальных конструкций для работы с этим материалом у общества нет. Поэтому, конечно, победа по-прежнему остаётся очень важным национальным символом, но одновременно её смысл выхолащивается, как символ она становится формальным, дежурным мероприятием, ритуальным элементом политической риторики. Отсюда следующая реакция — вытеснение проблематики войны из коллективного сознания, поскольку работать с этим трагическим и фрустрирующим материалом коллективное сознание не может, оно старается изолировать тяжёлый опыт прошлого, поскорее о нём забыть, вытеснить его. Мы наблюдаем очень сильную тенденцию к изоляционизму, уходу от коллективной ответственности за насилие в прошлом и настоящем (в Чечне или в отношении Восточной Европы), и одновременно — нежелание оправдывать власть.

Я думаю, что публичные дискуссии на эти темы чрезвычайно важны. От этих вопросов не уйти — они не исчезают, даже если открыто не называются. Но сами по себе последствия отказа от обсуждения и рационализации этих проблем не так просты и понятны.

Чаще всего они всплывают в качестве темной стороны и неприятных особенностей современной массовой культуры.

Дмитрий АНДРЕЕВ

К сожалению, наша дискуссия построена таким образом, что очень многие проблемы, которые можно было бы обсудить в этом блоке, включены в другие рубрики. Поэтому невольно возникают переключки. Это, видимо, неизбежно, потому что тема цельная и что-то вычленишь из неё, отделить одно от другого — миф от фигуры самого Сталина, а предчувствие скорой и неизбежной каталогизации образа Великой Победы от конкретных шагов в этом направлении — довольно сложно.

И всё-таки я бы хотел буквально пару слов сказать по поводу предыдущей секции. По сути дела, здесь совершенно чётко просматриваются два проблемных пласта. Первый — это полемика по поводу мифов конкретных, спровоцированных теми или иными устоявшимися мнениями, оценками и суждениями, вызванных либо незнанием фактов, либо их предвзятой интерпретацией. Отсюда — выход на вопрос о критерии научности и ненаучности, историчности и неисторичности. Второй же проблемный пласт — это дискуссия, в рамках которой миф воспринимается как нечто большее, нежели просто искажение реальной действительности. Вот на этом-то мне и хотелось бы сосредоточиться более подробно, потому что, в конце концов, уточнять какие-то сведения, факты, нюансы, на мой взгляд, не так интересно, ибо все эти вещи верифицируемые и проверяемые. Гораздо сложнее говорить о том, почему же всё-таки, несмотря на то, что последние почти что 20 лет нам твердят об ошибках, изъянах, преступлениях и неудачах Сталина, его популярность лишь возрастает.

Здесь я перейду к постулирующей части своего выступления. Мне кажется, что главная напряжённость дискуссии должна заключаться всё-таки не в оппозиции научности — ненаучности, здравого смысла и мифологизированного сознания, а в совершенно ином противостоянии, которое я называю борьбой между каталогом и проектом. Что я под этим подразумеваю?

Можно отрывать в истории те или иные сюжеты, чтобы приспособлять их к текущей действительности или даже проецировать в будущее. Но всё это своего рода использование истории как чего-то внешнего, отчуждённого, стороннего, в отношении которого мы занимаем положение наблюдателя, но никак не соучастника. Человек просто как бы заходит в каталог, листает его

и выбирает себе что-то на свой вкус. Одному приглянется Сталин, другому — Троцкий, а третьему — и вовсе Керенский. В лучшем случае при таком подходе может возникнуть желание так или иначе соизмерить день сегодняшний и день завтрашний с тем, что уже пройдено, пережито и воспринимается в качестве «младшего брата» с рудиментами давно отошедших в мир иной предков. И история в данном случае безмолвствует, ибо она оказывается совершенно бессубъектной. Это один подход.

На чём основан проектный подход? Прежде всего, на восприятии исторического процесса в неразрывном единстве, без деления на прошлое, настоящее и будущее. И затем, конечно, на амбициозном стремлении сотворчествовать с историей. Вот, к примеру, мы уже более полутора десятилетий сочиняем себе новый строй. Эффективно? Однозначно негативный ответ напрашивается сам собой и без долгих раздумий. В этой ситуации миф может и должен взять на себя определённую проектную функцию. Какой именно миф — каталожный или проектный, креативный? Каталожный миф на такое попросту не способен, так как он всего лишь призывает к банальному репродуцированию прошлого, правда, с учётом пресловутых уроков (которые и на этот раз непременно окажутся невыученными). Миф креативный — это попытка, отталкиваясь от пережитого и пройденного, разглядеть будущее через призму исторического опыта.

Давайте посмотримся в ауру последних двух юбилеев Победы — только что пройденного и десятилетней давности. Ведь при всех несуразностях, неэффективности и тупиковости режима эти юбилеи стали определённой «точкой сборки» катастрофически раздробленного, расплывённого общества, которому не только не суждено стать гражданским, но и элементарно выжить не гарантировано! И в этом смысле всё, что только ни делалось для этой цели (возвращение Сталина и пр.), уже априорно играло позитивную роль, работая на сохранение национально-государственной идентичности. Пусть локально, пусть на непродолжительный период времени, но такой ход работал. Вот он — критерий оценки исторического мифа.

Да, конечно, креативное мифотворчество способно ввергнуть своих адептов в искушение движения по спирали — с претензией нового осмысления. Действительно, в случае с «возвращением» Сталина апелляция к образу как таковому, без учёта тех масштабных перемен, которые прошли за 60 лет со дня завершения Великой Отечественной, ни к чему содержательному привести не может. Однако если креативному мифу удастся «разбудить» то, что я называю национальным пассионарным началом, если он

сумеет вызвать у нашего расплывчатого и разобщенного народа какие-то вибрации, то тогда подобная апелляция, безусловно, имеет право на существование.

А как с заявленной позиции оценивается критерий научности и ненаучности? На самом деле, историки, видимо, слишком много на себя берут, пытаясь при анализе подобного критерия руководствоваться истинностью или неистинностью того или иного исторического факта. Обозначение факта и описание факта вовсе не гарантирует «автоматом» его понимания. Существует непреодолимый зор между описанием, пониманием, интерпретацией и последующим использованием. Если мы просто обнаружим, подтвердим или опровергнем тот или иной исторический факт, то от этого мало что изменится в модусе общего энергетического настроения, который подспудно, на уровне своего рода «генотипов памяти» сохранялся и передавался из поколения в поколение от самого исторического события.

Властные технологии здесь не работают, пассионарная энергетика воспроизводит креативный миф, звучащий с ней в унисон. Другое дело, что официальная власть может тонко почувствовать данную закономерность и обратить её себе на пользу. Собственно, именно это и происходило оба раза на юбилеи Победы — десять лет назад и в этом году. Несмотря на топорную и примитивную пропагандистскую обработку общественного мнения, именно в День Победы случалась как бы «пересборка» нашего общества, когда из страшного хаоса бессистемно дрейфующих осколков некогда сцементированного советского народа вдруг начинало самоорганизовываться нечто системно-созидательное. А на следующее утро неизменно разрушалось, возвращаясь, как в сказке про Золушку, в свои обычные обличья. Так и хочется, перефразируя слова детского шлягера, воскликнуть: «К сожаленью, День Победы, только раз в году!»

Отсюда проистекает главная задача мыслителей вообще и историков в частности — заниматься креативным мифотворчеством. Конечно, ответственность за такое мифотворчество колоссальная, но иного выхода я не вижу в обществе, которое не является и уже никогда не станет гражданским.

ВЕДУЩИЙ. Переходим к дискуссии.

Александр ШИРОКОРАД

Не могу не вернуться к первой теме нашего Форума. Ну, во-первых, я хотел бы задать вопрос: а нужна ли какая-то реабилитация Сталина, нужна ли реабилитация Петра Великого, Екатерины Великой, Ивана Грозного? Другой вопрос — сейчас Ивана Грозного в Москве хотят канонизировать, а в Казани жгут его чучело, но тем не менее, этим занимаются не историки. Ещё Пушкин говорил, что он не хотел бы отказаться ни от единого момента русской истории, хотел иметь любую, но историю.

Все ли знают, что у нас военные архивы, до 90%, имеют гриф «секретно» и «сов. секретно», даже всякая ерунда типа донесений командиров батальонов, судовые журналы, карты минных полей и т. д. Кстати, такую же секретность сейчас развивают в Прибалтике, а на Украине секретчики лютуют больше наших, я имею в виду вопросы военных лет. И вот незнание сути войны, незнание тех событий приводит нас к некоторым сказкам, например, сказке про Кошкина, якобы, отца Т-34, или сказке про Костикова, отца «Катюши» и т. д. На самом деле, эти изделия были созданы коллективами из тысяч рабочих и десятками конструкторов.

В 50-х — 60-х годах я не во всём был согласен с теми, кто обличал Сталина, но относился к ним с искренней симпатией: пусть они в чём-то ошибаются, но они ищут новое, пытаются открыть новые документы, новые факты. Ведь тот же Колумб относительно Индии заблуждался, зато он открыл Америку. Сейчас, на мой взгляд, наступает другая волна и все историки-антисталинисты приходят к позиции «тащить и не пущать». Вот, например, госпожа Чудакова сейчас выступала, и мне показалось, что её основной лейтмотив: нам нужна удобная история. Нам неудобно говорить, что было освобождение Прибалтики. Удобнее в отношениях с прибалтами говорить, что была агрессия.

Я ещё хотел два слова сказать, причём сказать вещи очевидные, против которых возразить по сути никто не может. Как известно, Германия и Россия были правопреемниками Германской империи и Российской империи и делили они по пакту Молотова–Риббентропа территории, которые относились к Германии и России и которые от них были насильственно отторгнуты всего 20 лет назад. Отторгнуты были без всяких плебисцитов, и даже не по этническому принципу. В пакте Молотова–Риббентропа вопрос касался только Германии и России. Те же поляки тоже не были довольны этими границами. В Польше говорили, что малая Польша была создана в Первую мировую войну, во Вторую мировую войну была создана великая Польша, т. е. Польша предъявляла

претензии ко всем государствам по её периметру, начиная от Германии, Литвы и до Советского Союза.

Вопрос другой, ещё интересней. Предположим, что пакт Молотова–Риббентропа был плох, границы были проведены ужасно и т. д. Но вот уже 15 лет как Советский Союз не существует, и все деятели Польши, Прибалтики могли бы вернуть статус-кво, вернуть границы, которые существовали на 1 января 1939 или 1 января 1938 года. Почему-то этого не происходит, это интересно. На эту тему стоит побеседовать, а не на тему: реабилитировать или не реабилитировать Сталина.

Ирина КОЗНОВА

Именя в виду тему дискуссии, стоит обратиться к известной фразе, суть которой в том, что это нужно не мёртвым, это надо живым. В этой связи я признательна Льву Дмитриевичу за то, что он коснулся темы молодежи, потому что в его статье тема отношения молодежи ко дню Победы и нашему прошлому не прозвучала, как мне представляется.

Меня волнует, какой образ прошлого, включая наше советское прошлое, сложится у ровесников моей дочери и у моих будущих внуков. Мы сталкиваемся с тем, что молодое поколение фактически просто отторгает войну и советское прошлое. Одна из причин, в частности, в том, что традиционные встречи с ветеранами зачастую были формализованы. Такие встречи проводились ещё совсем недавно, и те, кому сейчас за 20, их помнят. В связи с этим вспоминаются два литературных произведения, в которых затрагивается тема взаимодействия коллективной и индивидуальной памяти.

Одно — это документальное повествование С. Алексиевич «У войны не женское лицо». Она отмечала, что часто сталкивалась с системой двойных стандартов при оценке прошлого, при воспоминании о нём: одна память была рассчитана на публику, другая память оставалась для себя.

Второе произведение — рассказ японского писателя С. Мэдору «Капли воды». Его идея перекликается с тем, о чём писала С. Алексиевич. Ветеран войны вспоминает, как его в первое время приглашали на встречи со школьниками, и, переживая заново события Второй мировой войны, он рассказывал о ней, опираясь на свой, лично прочувствованный опыт. Однако потом обнаружил, что от него ждали подтверждения официальной версии событий, а вовсе не личных впечатлений.

Но память о войне не может и сводиться к анекдотам, которые появились, например, в «Московском комсомольце» вчера и сегодня.

Встаёт вопрос о том, кто будет формировать образ прошлого, как коммуникативная память переходит в культурную память? И что, собственно, нужно молодёжи в этом образе прошлого? Кроме социологических опросов нужны другие методы изучения памяти о войне.

Школьники и студенты учатся по определённым учебникам, слушают тех или иных педагогов, а следовательно, настраиваются на определённый вариант воспроизведения истории. Видимо, без креативного мифотворчества коллективной памяти не обойтись. Оно позволяет воспринимать войну и день Победы насколько возможно адекватнее их неоднозначному содержанию, в широком историческом контексте. Пока не появится другого национального праздника, важного для россиян и для молодёжи, до тех пор день Победы будет играть такую роль, какую он играет сейчас. Это вопрос смены поколений и приоритетов коллективной памяти.

Евгений МАРГОЛИТ

Под «креативным мифом», насколько я понял, подразумевается миф, который внедряется извне или, проще говоря, вдалбливается в массовое сознание. Так вот, по поводу эффективности подобных «креативных мифов». Хорошо известен (в киноведческой литературе, по крайней мере) фрагмент выступления поэта Алексея Суркова в 1942 году, где он рассказывал довольно трагичную историю о том, как судили некоего командира танка, который танк утопил. Когда подсудимого спросили, зачем он попер с танком в воду, тот ответил, что был уверен: советский танк эту преграду преодолеет — как в фильме «Танкисты». В своём последнем слове бедняга предал этот фильм анафеме. «Танкисты» относятся к жанру «оборонного фильма». Я думаю, что уважаемая аудитория знает об этом жанре в связи с выпущенным 23 февраля 1938 года и отмеченным Сталинской премией агитплакатом «Если завтра война».

Здесь задан очень точный вопрос: когда всё-таки началась война. Жанр фильма «о будущей войне» беспрецедентен и не имеет аналогов в других кинематографиях. У нас он ведёт историю с 30-го года, возникая в качестве учебно-инструктивного. Первая волна, насчитывающая полтора-два десятка названий, проходит в 31-м — 33-м годах. Вторая — приблизительно такая же

по численности — в 37-м — 41-м. Подчёркиваю: вырастая из фильма-инструкции. Справедливости ради отметим: попытки делать кино на эту тему предпринимались (и небезуспешно) ещё в середине двадцатых, но — преимущественно в жанре *авантюрной фантастики*. Только с года «великого перелома» страна объявляется живущей на осадном положении; грядущей войной она именно что живёт. В метафорах ратного труда описывается всё — от преодоления природной стихии до любовного поединка. (Можно вспомнить не только колхозные комедии Пырьева — даже в нежнейшей лирической комедии Барнета «У самого синего моря» герой Крючкова обещает драться за взаимность возлюбленной «как на фронте».) Война — это неизбежно грядущий праздник Страшного суда. Именно праздник — разрешение всех противоречий, проблем. О войне мечтают: «Вот бы она началась в наше дежурство!» — восклицает герой картины, так и названной — «Война начинается» (в прокат вышла под названием «Эскадрилья №5»). Собственно, в пропаганде тех лет страна уже живёт в мире праздника и вечного солнца — счастливой, зажиточной жизнью. Что и является предметом зависти враждебного окружения, представленного в виде царства вечной ночи.

Войну накликивают, вызывая её духов — будь то Польша (основной противник в кино начала 30-х), Германия, Япония и Финляндия (вторая половина 30-х). Доктрина этих фильмов — агрессивно-оборонительная, и с реальной исторической ситуацией находится в очень сложных отношениях. Впрочем, подготовка страны к реальной войне и не является действительной задачей оборонного жанра. Существование в виду постоянной военной угрозы — самый простой способ организации населения. Это и есть подлинная задача этих лент: обоснование милитаризованного характера тоталитарной системы.

Вполне естественно, что при столкновении с реальной войной вся эта мифология обречена была с грохотом обрушиться — как тот танк, о котором шла речь выше. Миф, выросший, в противовес официозному, из реального опыта и потому действительно плодотворный — это миф самостояния личности на войне. Победили вопреки Системе, а она воспользовалась плодами победы, присвоила их себе. Пресловутые Постановления ЦК ВКП(б) в области искусства 1946–48-го годов прежде всего и были направлены на выжигание этого опыта, и потому — на восстановление довоенного осадного положения.

Так возникает «художественно-документальный фильм» конца сороковых, целиком — пожалуй, демонстративно — наследующий эстетике оборонного жанра. Недаром одним из важнейших

структурообразующих моментов в этом кино, как и в оборонном фильме, становится карта. С карты все начинается, карта превращается в живые фигуры (относительно живые), всё возвращается к карте и диаграмме, которая становится воплощением железного порядка; структурированного преодоления исторической стихии.

Оглушительный успех этих фильмов у зрителя — тоже миф, нуждающийся в корректировке. «Клятва», по воспоминаниям современников, прокатного успеха не имела. Данные по «всемирному успеху» фабриковались просто: показатели одних фильмов передавались другим. Действительно хорошо шло «Падение Берлина», ибо здесь играла свою роль уже декларативная отвлеченность от реального опыта плюс *цвет*. Хочу заметить, что цветная пленка «Агфаколор» была конфискована в качестве трофея (в Третьем рейхе на ней снимались «фильмы нации»).

Отдельно взятая человеческая жизнь вновь низводится до уровня бесконечно малой величины, значение которой можно не учитывать. Ощущение себя мельчайшим винтиком компенсируется осознанием принадлежности к громадной державной машине, от которой трепещет окружающий мир. Показательно, что последнему явлению этого жанра в брежневскую эпоху («Освобождение», «Солдаты свободы», «Блокада» и пр.) предшествовала попытка повторного выпуска на экран «Падения Берлина».

Дмитрий ЛЮКШИН

На мой взгляд, сама идея возвращения Сталина победе может быть с большой долей вероятности отнесена к категории новейших мифов о войне, которые так или иначе своим присутствием заново формируют массовое сознание нынешних россиян. Дело в том, что самого Сталина абсолютно не волновала история войны в научном смысле, тем более не интересовала его правда о войне. История войны, которую писал лично Генералиссимус, создавалась с прицелом на далёкое будущее и на потребу каким-то определённым целям, которые до конца ясными на сегодняшний день не представляются. Все историки, так или иначе, сталкивались с такой замечательной книгой Иосифа Сталина «О Великой Отечественной войне». Она выходила достаточно большими тиражами, первое её издание относится к 1942 году, последнее издание — 1953 года. Когда у нас с коллегами в Казанском университете возник спор относительно того, у кого какое издание, я попросил наших библиотечек дать мне все издания,

какие есть в университете. Они мне потом перезвонили с вопросом: вам что, все 40 давать?

Что же получается, только в библиотеке Казанского университета 40 изданий с 42-го по 53-й год, (учитывая, что библиотека КГУ получала обязательные экземпляры всех советских книг, можно предположить, что основной массив Сталинских произведений в ней представлен). Подтверждённый тираж — более 10 миллионов, из них, не менее 6 миллионов — в годы войны (не на всех изданиях указан тираж). География издания: от Риги до Хабаровска, включая Дагестан, Чечню, Башкирия и Татарию.

Впрочем, мне хотелось бы обратить ваше внимание не на широкую доступность данного произведения, а на содержание выступлений и отсутствие примечаний. Если мы откроем, скажем, последнее издание — 1953 года, и сравним текст знаменитого Доклада на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года с текстом того же доклада, опубликованном в Грозном в 1943 году, то в разделе «Ход войны за 4 месяца» без труда найдём сталинскую статистику потерь: с советской стороны — 350 тыс. убитыми, 378 тыс. пропавших без вести и раненых — 1 миллион с лишним. Получается, что Красная армия потеряла около 2 миллионов человек, в то время как Германские войска — более 4 с половиной миллионов человек. Цифры в обоих изданиях одинаковые. Возьмите все 40 изданий — никакой разницы. Неужели Сталин не знал об истинных потерях СССР в войне или, может быть, стеснялся изымать «неправильные» книги из библиотек. Дело даже не в том, что в 1941 году он вполне мог взять цифры «с потолка», а в том, что в 1953 (а значит и в 1952-м, и в 1949-м) не счёл нужным уточнить, дать небольшую сноску, дескать, неточно посчитали, теперь перепроверили, уточнили. Вопрос ведь не шуточный. А может быть он просто забыл...

А вот выступление по радио 3 июля 41-го года, знаменитое «Братья и сестры!». Между обращением к Товарищам-Гражданам того, но до призыва вступать в партизанские отряды, Иосиф Виссарионович констатировал, что «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений». Читаем ли мы «Правду» от 3 июля 1941, или махачкалинское издание — 43-го, или Военное издательство Министерства Вооружённых сил Союза СССР 1949-го, из года в год лучшие немецкие дивизии гибнут под Минском. Что, опять память подвела?

Боюсь, что с памятью у Отца народов всё было в порядке, а вот с памятью этих самых народов, он явно церемониться не собирался. На глазах у всей страны, миллионными тиражами, —

послевоенный тираж сталинского сборника не менее 4 миллионов экземпляров, — циничное враньё. Зачем обманывать народ, ветеранов, партию, наконец. Но давайте представим, что вся эта страна, весь тот народ, помешавший Сталину выполнить клятву и учинить-таки мировую революцию, Генералиссимуса не интересовали. История Великой Отечественной войны писалась «на вырост», не на одно поколение, и писалась не после войны, а во время, без оглядки на факты и источники, как «Краткий курс», для второго тома которого, если бы он появился, сюжет о войне уже был готов. Простой, логичный, как всё что делал И. В. Сталин.

Предлагая вернуть Сталина победе, мы забываем, что сам он итоги войны триумфальными не считал и озабочен был не столько уроками этой войны, сколько подготовкой к третьей попытке мировой революции. Боюсь, что Иосиф Виссарионович такого подарка бы не принял, поскольку победу считал своей вотчиной и пускать туда других не собирался. Так что идею с подарком Сталину победы едва ли можно признать удачной.

Я вовсе не говорю о том, что мифы массового сознания не имеют права на существование. Давайте хотя бы здесь, в узком кругу, отдадим себе отчёт в том, что создание креативных мифов в ситуации современного российского общества задача достаточно сложная.

Анатолий ПРОХОРОВ

А откуда, собственно, появляются мифы? Есть такой анекдот: к Мольтке пришли историки и спросили: как писать историю франко-прусской войны? Тот ответил: пишите правду, только правду, но не всю правду. Значит мифы создают историки и участники событий?

Здесь прозвучала ссылка на учителей, якобы, они выступают с партийных позиций. Я не знаю ни одного учителя, который разбирается в партиях. На школу тоже можно свалить вину в мифотворчестве. Недостатки и у нас есть. Вместо того, чтобы строить изложение материала возможно объективнее, мы иногда просто меняем акценты. Какой была школа раньше, и какая она сейчас? Раньше учитель рассказывал про героизм жён декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь. А сегодня учителя спрашивают: а что, действительно жены декабристов поехали за своими мужьями в Сибирь? Учитель отвечает: да, и так испортили им каторгу.

Почему это происходит? Да потому что в советской школе не говорили о том реальном, что происходило в этом случае, конечно, не упоминали о том, что царь-батюшка денег дал на дорогу француженке, которая там вышла замуж. Об этом не рассказывали. Также не рассказывали о том, что, конечно, условия жизни у декабристов были несколько иные, чем у обычного каторжника-головника.

Вернёмся к нашей теме обсуждения. В школьных учебниках и про культ личности со всеми его сволочными делами вполне достаточно говорится, и достаточно, на мой взгляд, говорится о Великой Отечественной войне. Это лишь Караулов кричит «Караул!», что только 2 часа у школьников дано на изучение Великой Отечественной. Чушь это. На самом деле 7–8, а то и 10 часов. Учитель сам решает. И вот вам, пожалуйста, итоги общественного мнения. Праздник Победы для сегодняшней молодежи — это оправдание всего, что было при советской власти. Остался только праздник Победы.

Так откуда же берётся миф, ответьте мне, пожалуйста?

Александр ЧЕРНОВ

На мой взгляд, следует снять пресс негативности, который лежит на мифе в целом. Любое общество порождает мифы. Как бы мы не призывали: давайте избавимся от мифов, мы никогда от них не избавимся. Лосев, допустим, в своей работе писал: миф виден как мертвое явление, живой миф функционирует в нашем сознании, он нам непонятен, мы не можем выразить его осознанно. Когда мы задумываемся над тем, как сесть и написать миф для всего народа, ничего у нас не выйдет, как мне представляется, поскольку миф рождается изнутри. Он может выталкивается сверху, но пока народ его не примет, исходя из внутренних своих побуждений, ничего из этого не выйдет.

Миф о Великой Отечественной войне безусловно необходим нашему обществу для некоего сплочения. Вот в 80-е годы, 90-е годы мы отказывались от своего советского прошлого. Сталин плохой. Возможно, он плохой, возможно, хороший. Это кому как нравится. Мне нравится у китайцев: Мао ошибался, но ошибался на 30%, а на 70% он был прав. Возможно, у нас Сталин ошибался на 70%, но на 30% он был прав. Я призываю к такому подходу, к дискуссионному. А миф о Великой Отечественной войне он, естественно, обрастает в сознании современных людей.

Действительно, как здесь правильно сказали: гордиться-то больше нечем. Что у нас есть, Гагарин (вот фильм недавно вышел «Космос как предчувствие»), космос, автомат Калашникова и Великая Отечественная война. Больше гордиться нам по большому счёту и нечем.

Евгений ВЯЗЕМСКИЙ

Поставленная тема очень интересна, но её невозможно исчерпать в рамках данной дискуссии. Я воспринимаю эту проблему с точки зрения специалиста в области повышения квалификации преподавателей истории и, одновременно, с позиций автора школьного учебника по отечественной истории XX века. Что мне хочется сказать в этой связи? Оба выступавших, и Лев Гудков, и Дмитрий Андреев, по-своему, безусловно, правы. Я убеждён в том, что оба эти подхода в разумной пропорции, в определённом балансе будут положительно восприняты учителями истории.

Подчеркну — перекося в ту или иную сторону неизбежно приведёт к негативу, деформирует курс истории. Любые попытки манипулирования историческими фактами и их трактовками вызывают обоснованное отторжение у преподавателя. Это в принципе недопустимо в системе образования. Вместе с тем попытки лишить историю ореола героики, нравственного пафоса — бесперспективное занятие с точки зрения школьного восприятия истории. В этом случае изучение истории в школе лишается нравственного смысла. Попытки дойти до самой глубинной сущности исторических событий нельзя считать целью школьного исторического образования, это, скорее, задача исторической науки, задача, которая может и должна решаться в профессиональном историческом сообществе.

Поставим вопрос, зачем вообще надо изучать историю в школе — чтобы знать и понимать, или сочувствовать и сопереживать? Полагаю, что обе точки зрения по-своему правильны. Я анализировал международный опыт изучения истории в школе. Проблема целей исторического образования всегда определяет принципы построения структуры и содержания школьных курсов истории.

Два наиболее характерных подхода к целям исторического образования схематично можно сформулировать следующим образом. Историки государственно-патриотического направления утверждают, что историю надо изучать для того, чтобы воспитывать «правильного» человека — добропорядочного гражданина своей страны. Историки либерального направления утверждают,

что историю надо изучать для того, чтобы формировать демократические ценности, опыт критического мышления, толерантность и т. д. Полагаю, что в педагогическом плане обе эти точки зрения по-своему оправданны. Вопрос, видимо, заключается в достижении разумной пропорции между этими подходами. Как только один из подходов к целям образования начинает доминировать, так мы теряем перспективу исторического образования.

Сергей НОВИКОВ

Насколько я понимаю суть нашей дискуссии, ей не хватает завершающего аккорда. Я его вижу в том, что нам необходима концепция сохранения памяти о войне. Именно концепция. В чём её смысл: или мы будем акцентировать внимание только на героике, только на мужестве и победе, или мы будем сползать только на трагизм войны, на оккупацию, на стратегию выживания в годы войны, или мы найдём золотую середину между тем и другим. И, таким образом, когда я говорю студентам о Хатыни, я не могу не сказать, чьё это злодеяние. Или это злодеяние, воспетое и расписанное в учебниках и неправильно расписанное, или оно основано на исторических фактах, что это 118-й полицейский батальон, сформированный, извините, из представителей местных полицаев. Поэтому нам нужна концепция войны. Нам нужна правда о войне. Это я заявляю, как главный редактор серии «Беларусь и Германия. История и современность» (вышло их 4 выпуска на белорусском), как один их соавторов учебников для школ и для вузов. В них мы как раз и попытались прописать один из разделов — Сохранение войны в исторической памяти.

Константин ЭГГЕРТ

По поводу мифов, которые есть, конечно, в любом обществе и в моей любимой Англии тоже такого много, на самом деле. Из-за этого много архивов не открывают и ещё лет 50 не откроют. Это я как россиянин говорю, но поскольку я проживаю в Англии по полгода, то вижу, что это одна из самых помешанных на истории стран Европы.

По поводу мифотворчества. С одной стороны, да, понятно и много раз уже говорено, что наше политическое руководство, естественно, цепляется за всё и пытается использовать все возможности для легитимации своего существования, существо-

вания политического режима, который сейчас создан. Для этого всё сгодится. Все с этим согласны. А меня больше беспокоит проблема мифотворчества как беспредельного креатива. Я не очень понимаю, как это соотнобразуется с историей. Мне понятно, когда в Казахстане ставят памятник Чингиз-хану. Понятно, так как это ещё плохо сформировавшиеся государственные общности (в том числе, кстати, и Латвия с Ульманисом), там, может быть, мифы очень нужны. Пройдет какое-то время, и там пойдет процесс более объективного осмысления истории.

Но мы говорим о России и мне не очень понятно, почему тысячелетней России нужны какие-то особые мифы, да ещё сконцентрированные на достаточно узком участке исторического существования, чтобы ей воспитывать своё подрастающее поколение, каким-то образом воздействовать на массы, чтобы создавать, как вы говорите, гражданское общество. Если прерогатива создания мифов у кого существует, то это, вероятно, будет какая-то узкая элитная группа, которая будет генерировать мифы для общества, а потом, вероятно, будет вести это общество. Это не очень хорошо для гражданского общества, о котором мы говорим, это не очень способствует умягчению нравов. А именно смягчение нравов сегодня — одна из главных задач для современной России, для того чтобы это общество с низов начало себя собирать, начиная с элементарно нормального отношения граждан друг к другу. Здесь как раз нужны не мифы, как мне кажется, а какой-то период определённой рефлексии, какого-то, может быть, более нравственного отношения к своей истории.

Анатолий ЦЫГАНОК

Я хочу буквально тезисно остановиться на 4-х моментах.

Во-первых, я согласен с ранее выступавшими коллегами в том, что в России в ближайшие 5–10 лет истинной правды о войне не будет, поскольку создаётся такая ситуация, что реальные документы, которые противоречат официальной доктрине, публиковаться не будут.

Второе, очень хороший тезис выбрал господин Андреев по поводу критериев мифа. Какие могут быть мифы, для чего, например, создавался миф о внезапном нападении? Для того, чтобы обелить людей, которые готовили СССР к наступательной войне, и не готовили к стратегической обороне и чтобы их потом не преследовали.

Не останавливаясь на мифах «о количественном и качественном превосходстве немецкого вооружения в первый период войны», «о полководческих талантах Сталина и Жукова», «о единстве партии и народа и религиозности», «о примерном равенстве потерь СССР и Германии», «о Победе», остановлюсь на мифе «подготовке СССР к обороне в 1941 году» и «внезапности нападения». Фактически критерий внезапности может быть применим только в тактическом плане, частично может быть в оперативном, в стратегическом плане критерия внезапности просто не может быть. Я в архивах работал и знаю, термина и понятия внезапности, например, в документах фронтов, армий (донесениях, отчётах, приказах) времён лета—осени 1941 года нет. Не нашёл я также ни одного упоминания командирами дивизий и корпусов о внезапности нападения. Миф о внезапности появился гораздо позже войны и был удобен правящей элите для перекармливания своих просчётов на «коварного противника» и противоречит архивным документам.

Например, за три дня до войны командный пункт Прибалтийского военного округа находился в лесу 12 км северо-восточнее Паневежиса. 20 июня 1941 года командный пункт 12 механизированного округа находился в лесу — 2 км, западнее Нейсе. Штаб 8 армии в 15 км юго-западнее Шауляя. 11 стрелкового корпуса — в лесу 2 км юго-западнее Скаудвиле. Части округа были готовы в течение трёх часов установить минные поля, а с 15 июня приступили к установке проволочных заграждений. К 22 июня в соответствии с приказом Командующего ПрибВО № 0052 от 15 июня 1941 года командиры дивизий должны выработать на местности решение и утвердить их у командующих армиями. Я не нашёл ни в одном донесении командиров полков, дивизий и армий июня 1941 года, хранящихся в архивах, упоминания о внезапности нападения.

Внезапность была другого рода. Неожиданными для Верховного командования РККА явились направления главных ударов немецких танковых группировок вдоль железнодорожных и дорожных направлений и нахождение танковых частей в первом эшелоне. Неожиданными были обходы ожесточённо обороняющихся районов, отказ от ввязывания в бои и решительные и гибкие атаки. Главная неожиданность заключалась в том, что качество войск РККА оказалось на несколько порядков ниже германских. С командирами, управлявшими частями и соединениями несколько месяцев, нельзя было сравнить немецких, имевших двухлетний опыт боевых действий. Естественно, качества всегда превосходят количество, что и явилось основой ужасающих потерь в начальном периоде войны.

К войне на чужой территории Сталин начал готовиться с августа 1939-го. Об этом говорят новые документы, главными из них можно считать: Письмо наркома обороны К. Ворошилова Сталину и Молотову 22 августа 1939 года, в котором он, пожалуй, впервые, глухо, невнятно, учитывая то, что документ имел гриф «Сов. Секретно», называет войну «оргмероприятием», для выполнения которого предлагает расконсервировать неприкосновенный запас и принять дополнительный заказ промышленности; Постановление СНК СССР от 2 сентября 1939 года № 1355–279 СС, утверждающее план реорганизации сухопутных войск вооружённых сил Союза ССР на 1939–1940 гг. и сформировании двух фронтов — Украинского и Белорусского; Рабочую карту начальника Военно-топографического управления РККА полковника М. К. Кудрявцева, с нанесенной начальником Генерального штаба РККА Б. Шапошниковым в 1939 году «Нарезкой» полосы картографической обеспеченности, для предстоящих действий в Европе.

Эти документы говорят о том, что решение на большую наступательную Европейскую войну Сталин принял где-то в августе 1939 года. То, что постановление СНК принято 2 сентября утвердило ранее представленный план реорганизации сухопутных войск, говорит о том, что план реорганизации войск отталкивался не от факта начала войны, а от ранее принятых решений. А формирование фронтов говорит о его нацеленности на войну. Кроме того, стала известна выписка из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 октября 1939 года, утвердившего предложения Ворошилова о размещении на Украинском и Белорусском фронтах большинство усиленных дивизий (по 14 тысяч человек).

Сентябрь 1939 года внёс некоторые коррективы в этот план, видимо, генштаб предполагал, что Польша сможет оказать серьёзное сопротивление, по аналогу с Сербией в 1914 году. Поэтому секретный протокол Риббентропа–Молотова можно считать больше блефом Сталина. Он точно знал (в отличие от Гитлера), что Англия и Франция начнут войну и рассчитывал на её длительный характер. Поэтому идея раздела Польши имела цель втянуть Германию в войну. Этим можно объяснить и факт неподготовленной пропагандистами акции 17 сентября 1939 года — похода по освобождению Западной Белоруссии и Украины. В прессе не говорилось «о страданиях братьев — украинцев и белорусов», как подтверждение того, что эта акция заранее не планировалась.

Ещё одним документом, подтверждающей версию о подготовке превентивного удара, служит письмо Ворошилова Сталину и Молотову от 7 апреля 1940 года о переводе 10 стрелковых дивизий обратно на штат мирного времени и письмо Тимошенко и Ша-

пошников от 4 июля 1940 года о реорганизации структуры округов в результате «освобождения Бессарабии и Буковины», ввода новых войск в Прибалтику а также «резко изменившейся ситуации на Западе». Документы стали известны в 1996 году. В них говорится, «что чистых стрелковых дивизий, исключая танковые и моторизованные, предназначенных главным образом для наступательных действий, маневра и отражения контратак, мы будем иметь 148, из них 22 — на Дальнем Востоке и в Забайкалье, 10 горных дивизий, и для Запада остаётся только 116 дивизий, что совершенно недостаточно».

В 1999 году была опубликована рабочая карта начальника Военно-топографического управления РККА, на которой синим карандашом начальник Генерального штаба РККА Б. Шапошников в 1939 году нанёс «Нарезку» полосы картографической обеспеченности, ограниченной линиями Берлин–Прага–Вена–Будапешт–Бухарест на западе и Петрозаводск–Витебск–Киев–Одесса на востоке. В соответствие с ней, четыре картографических фабрики и 10 картографических отрядов с 1939 по 1941 год напечатали около 800 млн. листов карт масштаба от десяти до ста тысяч. От меридиана Ленинграда до меридиана Москвы успели напечатать только листы миллионных карт.

Из опубликованных также в 1996 году директивы НКО от 14 мая 1941 года №503920сс/ос, директивы и оперативных планов округов по обороне госграницы (Прибалтийского, Западного отдельного Белорусского, Киевского особого и Одесского) по «Прикрытию отобилизования, сосредоточения и развертывания войск и организации обороны» можно определить, что они разработаны для прикрытия действий; отсчёт времени во всех документах ведётся от дня мобилизация. Предполагается, что инициатива находится в руках советского командования. Сам день мобилизации предполагался на как раз на конец июня, и округа не успели развернуть свою оборону в соответствии с этими планами. Других планов, кроме вспомогательных и привязанных к планам развертывания (для обороны) не было.

Третье, о подготовке к оборонительным действиям. Для чего это говорится? Критерии оценки подготовки к оборонительным действиям — наличие оборонительной доктрины, оборудование оборонительных рубежей, рассредоточение войск в глубину, вывоз стратегических запасов на Восток. А реально в те годы была принята наступательная доктрина, в соответствии с которой были построены в течение трёх лет наступательные группировки. Главное то, что наступательные группировки РККА (войска Киевского и Белорусского округов), построенные в течение двух лет

для войны на чужой территории и малой кровью, оказались непригодными для оборонительных действий. Потеря в первые два месяца боёв стратегически запасов техники, вооружения, ГСМ, продовольствия и фуража в течение 1939–1941 годов, вывезённых из Предуралья и Волги и складированных в тылах Киевского и Белорусского округов для обеспечения наступательных операций, повлекли не только потери РККА и жертвы среди населения, но и значительно облегчили проблему обеспеченности германских частей продовольствием, ГСМ, фуражом.

И четвёртое. Надо обществу поднимать вопрос о снятии режима секретности с тех документов, которые касаются времён войны. Я солидарен с господином Широкоградом: в Подольском архиве (Архив МО РФ) лишь 5% документов прочитано, а 95% документов лежит в мешках

История Великой Отечественной войны, особенно её начальный период, трагична. Она требует до сих пор анализа и критической переоценки, а не истеричных славословий Сталина ура-патриотами. Главная причина поражения июня 1941 года — и военная и политическая элита СССР допустила преступные просчёты, связанные с изъянами существующего строя, готовя страну к войне, а армию только к наступлению, практически не готовились к отражению агрессии. Не подготовлены были оборонительные рубежи, ни войска на этих рубежах, за что весь народ поплатился самыми большими в мире потерями во Второй мировой войне. Воссоздание мифов о внезапности нападения и подготовленности страны к обороне — это ещё одна попытка обелить Сталина, а в его лице снятие ответственности с ВКП(б) за сокрушительную победу.

Александр ШИРОКОГРАД

Сейчас мне, наверно, никто не поверит, но при Сталине было издано книг о войне вот приблизительно с этот шкаф. У меня дома лежат хроники Великой Отечественной войны на морях, реках, озёрах и флотилиях. Это приблизительно 30 томов. В каждой из этих книг расписан каждый день войны. Такие же книги были написаны по любой операции. До 1953 года было издано огромное количество книг. Например, 4 тома «Артиллерия в Великой Отечественной войне».

По поводу ссылок меня удивило то, что здесь ссылаются на фильмы, на сталинские агитки. Кто хотел их читать, тот читал. Но почему никто здесь почему-то не сослался на огромные тома,

которые были секретные и даже сов. секретные, огромное количество информации, куда она ушла?

Егор ХОЛМОГОРОВ

Я хотел сказать несколько слов о мифах и мифологии. Что такое миф? Это определённая интеллектуальная техника, с помощью которой можно дать интегрированное описание определённого социального феномена или объекта при помощи противоречивых определений. Никаким другим способом, кроме мифологического, приложить к одному и тому же объекту противоречивые, но одинаково справедливые определения невозможно. После войны, ещё даже в ходе войны и перед войной создавались несколько моделей таких вот противоречивых описаний. Нулевая модель «похода мирового империализма против первого социалистического государства» была создана ещё перед войной, но в ходе войны рухнула. Потом была сталинская модель мифологического описания войны как определённого урока, определённого испытания, который прошла социалистическая система, созданная в Советском Союзе и который она выдержала. Третья модель, уже постсталинская, это модель народной войны. Эта народническая струя появляется уже к концу хрущёвского периода и особенно при Брежневле.

Коллеге-киноведу я хотел бы напомнить (вспомните «Освобождение»), первые серии — это «ура» Сталину, в последних же сериях он не появляется, кажется, вообще, главным действующим лицом становится простой солдат, народ. Нынешние концепции войны распадаются сразу на несколько мифов, которые находятся в совершенно разных плоскостях. Хотя из них, к 60-летию Победы, вырисовался один, который можно считать главным официальным мифом современной России — миф о Победе как о... Победе. Главное в том, что мы Победили, смогли победить. Как бы там ни было, какую цену не пришлось бы заплатить и сквозь какие ужасы мы бы при этом не прошли. Общество, уставшее от поражений, восхищается Победой как таковой, победой, как свидетельством о самой нашей способности побеждать.

ВЕДУЩИЙ. Переходим к подведению итогов.

Лев ГУДКОВ

Я хочу сказать несколько слов о первом тезисе второго докладчика, о креативном мифотворчестве. Так же, как и господин Холмогоров, я попробую дать определение мифа. Мифом в социологии называется рассказ об эпизоде реальной или воображаемой истории, апелляцией к которому узаконивается какое-то государственное установление, институт либо ритуалом. В отличие от разного рода легенд, преданий или какой-то системы утопически-идеологических представлений, функция мифа заключается в легитимации этого института. В данном случае дело не в содержании мифа, а в самой конструкции легитимации, в использовании мифа. Так вот если говорить о памяти о войне, организованном и принудительном государственном консенсусе в отношении к войне, то можно сказать, что миф этот умирает.

Мы оказываемся в очень странной дискуссии — а сегодня не время идеологов, оно прошло, кончилось мобилизационное общество, как умер тоталитаризм, распавшись сам по себе, — пытаемся восстановить или создать ещё одну подновленную систему мифов, заменить ею сгнившие идеологии. Не получится! Всё, это время кончилось. Мобилизационное общество ещё раз организовать, воссоздав ситуацию осажденного общества, не получится. Но, распад тоталитаризма, институциональной *системы*, режима управления ещё не означает ликвидации и смены самих тоталитарных *институтов*, которые обеспечивали её воспроизводство: идущие изменения пока всерьёз не затронули ни школы, ни армии, суда или организации власти «сверху вниз». Эти институты продолжают жить и воспроизводить тем же образом старые символы мобилизационного общества и стереотипы врагов. И с этими механизмами консолидации или их самосохранением мы сейчас имеем дело.

Сами по себе старые мифы могут лишь терять свою значимость и эффективность, превращаясь во все более архаические предрассудки. Оживить их нельзя, как нельзя и опровергнуть. Они уйдут, будучи замещенными другими мифами, если только само общество не изменится. Но пока существенных изменений не видно. Единственным следствием, единственным остатком идеологического тоталитаризма почти всегда оказывается рутинный национализм, вариант которого мы и имеем сегодня. И Победа над нацизмом теряет своё значение идеологического противостояния и вписывается в общий ряд имперской славы русского оружия, то есть узаконивает именно эти рутинные отработанные версии национализма. В этом контексте обновленная мифология победы становится компонентом имитации идеология.

Мы вообще всё последнее время путинского правления имеем дело с некими имитациями прежних символических структур и коллективных ритуалов, часто приобретающих какой-то опереточный тон. Важно, что они в любом случае сохраняют очень упрощённые примитивные представления о конституции нашего общества и о базовом для него типе человека. В первую очередь, это относится к представлениям о характере отношений власти и массового человека, присущего мобилизационному, репрессивному и закрытому обществу. Суть их сводится к тому, чтобы оправдать или закрыть от критики саму модель безответственного авторитаризма патерналистско-попечительской государственной власти, которая «лучше знает как надо», всегда действует по своему произволу (всегда только в своих интересах), называя это интересами безопасности государства, или национальными интересами, но никогда и ни как не отвечая перед обществом. Обратной стороной этого отношения является крайнее обесценивание человеческой жизни, исключение частной точки зрения на события (в масштабе отдельного человека или группы, а не в перспективе всего тотального «государственного целого»), и принципиальная неспособность к пониманию других, неспособность учитывать сложность и многообразие сегодняшней жизни. В этом смысле продолжение культивирования мифов Отечественной войны ведёт к самоизоляции страны, сохранению и поддержанию её примитивного устройства, вытеснению с публичной сцены групп, которые могли бы выдвигать новые идеи и смыслы.

Другими словами, инерция такой мифологии Победы свидетельствует об интеллектуальной, культурной, модернизационной несостоятельности российского общества. Проблемы дальнейшего развития в этом плане полностью снимаются, потому что пока мы будем заботливо воспроизводить эти мифологические структуры, мы не можем рационализировать природу нашего прошлого и фундаментальные институты нашего общества, а соответственно, решать реальные текущие проблемы. Это тупик. Это признание интеллектуальной недееспособности современного российского общества, нуждающегося в утешительных сказках о своём героическом прошлом.

Дмитрий АНДРЕЕВ

Я благодарю собравшихся за очень любопытную дискуссию. Мне особенно приятно, что мой тезис о креативных мифах так или иначе муссировался практически во всех выступлениях. Собственно, я даже вообще ничего не хотел добавлять к уже

сказанному в моём выступлении, разве что по существу последнего тезиса господина Гудкова о развитии. Развитие отнюдь не обречено осуществляться по модернистской модели прогресса. Оно вовсе не сводится к совершенствованию общества и личности в рамках сугубо либеральной парадигмы. Стремительно меняющаяся окружающая действительность, полагаю, довольно наглядно подтверждает эти мои слова. Она становится гораздо более многомерной и сложной, мир движется не к прогрессу, а к катастрофе и хаосу. И в этом смысле задачи креативного мифотворчества обретают даже несколько эсхатологический оттенок, а, значит, и не должны априорно отрицаться как не соответствующие ценностям критически мыслящей личности.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо, Лев Дмитриевич и Дмитрий Александрович. Автором заключительного комментария по этой теме нашего Форума выступит Ирина Дмитриевна Чечель.

Ирина ЧЕЧЕЛЬ

У меня, видимо, непростая задача, но я попытаюсь с ней справиться. Я поставлена в такую ситуацию, которая отчасти близка, быть может, господину Бомсдорфу, однажды, сколько помнится, произнесшему: «здесь сказано всё, ... но не всеми». Мне необходимо акцентировать некоторые моменты и попытаться выразить те точки зрения, которые бы структурировали то, что здесь происходит. Предположение таково: мы уже 1,5 часа НЕ говорим о Сталине, что явно смущает. Если цель — выяснение, сколько конкретно-исторических, фактологических проблем затронуто, то вывод неутешителен, то правда — «неучтива»: их количество не перевалит через десяток.

Что же обсуждено? Донесения разведки, пакт Молотова–Риббентропа, количество жертв с обеих сторон, вопросы экспроприации, оккупация Прибалтики, изгнание 12 миллионов немцев со своих территорий, отчасти дивизии вермахта. Говорится же более об имморализме, литовском, латышском национализме, «эшелонированной бравате» их парадов, отсутствии гражданского общества, о Путине, о потере Россией территорий, об уходе со сцены российской деревни, об антисоветском характере российского политического режима, о смене поколений, о «креативных мифах» и т. д., но фактически — о современности. Это первое замечание. Второе замечание. То, что уже обговорено, скорее, настроено, как

настраивается неплохо отлаженный механизм, тем же, что в западной и вообще мировой исторической науке, допустим, Жаном Шено или Грэхамом Досоном, или Якобом Эйхлером и прочими именуется «доминантной памятью».

Мы неукоснительно идём фарватером той борьбы, что на наших глазах происходит сейчас в обществе в связи со Сталиным. Именно поэтому мы говорим о современности. В этом отношении не бесполезно приводить в пример книгу Х. Уайта «Тропики дискурса» (1985). Что, в его понимании, — «дискурс» для гуманитария, представителя научной корпорации? «Дискурс», — заставит сегодня прислушаться этот автор, — «челнок» между сознанием и им описываемым, намерением и целью. Рядом с ним встанут понятия *способ, путь, мера, троп, стиль, настроение, фигура речи, вербальная композиция*, не являющаяся в сколько-то определённой мере ни логикой, ни фикцией. В тропиках «дискурса» — обычно и сомневаться, и блуждать. Слово «толчок» — задаток его описания, если в задатке этом — описание «лингвистического эквивалента психологической защиты» и «девиации от одного возможного, должного значения, но также и девиации к другому значению, концепции или идеалу того, что верно и должно, и *правдиво* “в реальности”». «Дискурс» — то приближение, что возникает в момент проговаривания. «Дискурс» — торец репрезентации между нами и окружающей нас языковой и психологической средой.

В этом смысле Сталин приближенно бытует и «здесь и сейчас». Он — в тропологии его обрисовки, в пути в дебри тропов. К ним и в них — одновременно. То, как мы выстроим факты, как поставим приоритеты (а они могут быть, как уже показал и ещё покажет сегодняшний день, и не аскетически научными), как кто-то из нас выдаст очевидное за невероятное, — дискуссия и поиск, смутное приближение, своеобразный дискурсивный «Сталин», намерение и цель. Но как же мы выстраиваем сегодня факты советского прошлого — психологически, этически, теоретически и проч.? Как мне кажется, — в соответствии с двумя моделями.

Первая модель — типично *шестидесятническая*, скорее метафизическая. Она провозглашена сегодня как модель «здорового смысла», «сознательного отношения» к истории, как модель «человека — не винтика, но свободной, независимой (*“автономной”*, верно, сказали бы в современной дискуссии за рубежом) личности», как модель «народа», состоящего, по уже цитировавшемуся нами Гефтеру, из «суверенов самого себя». Это — модель советской истории как своеобразной репрессивной педагогики, метафизики последних решений и выбора. Продуктивно воспроиз-

водящаяся. Она далеко не исчерпана, но и достаточно известна, традиционна.

Но в сегодняшнем же разговоре о современности, при нашей твёрдой уверенности, что речь — о Сталине, проглянула, тяжело-весно и броско, и иная модель. А вот она-то — не шестидесяти-ческая. Здесь в зачёт пойдёт модель поколения «тридцатилетних», *прагматическая модель*. Широковещательная сторона её — пока диалектическое, но — очное, конкретизированное указание на сферу интересов относительно Сталина, по поводу Сталина, между Сталиным и нами. Да-да, поистине, Сталин «гениален», говорит первый докладчик. «Советская цивилизация “овеществляет”, “материализует православную цивилизацию”» и «это делается талантливо», считает он (Е. Холмогоров). Дилемма «Целей и Средств» со знанием дела переплавляется в дилемму «Цены-ценности (а они здесь неделимы) и Предложения». Как? Через дискурс «денатурализации», т. е. покроем абсолютно замкнутого на самом себе, непроницаемого и граничащего с сакрализацией языка. Нужно цитировать и цитировать: «Сталин — это полюс сопротивления материи количества против павшего духа и дурного вымороченного качества». «Сталин — это сопротивление армии апокалипсиса». «Сталин — это сопротивление материальной ответственности духовного». Но при этом Сталин «талантлив», Сталин «гениален»: и сталинизм — глашатай ценного, и мы точно намечаем, что нам необходимо.

Далее — выступление вроде бы другого плана: Россия — убежище креативных мифов, мы *всегда* создаем «новую космогонию», Сталин — где-то там же, «в точках сборки расплывённого общества», в его «энергиях развития», его «пассионарности», в «модусах» «собрания» нашего «мира». Здесь, конечно, другой, притом прямо-таки конструктивистский, акцент: не Иосиф Сталин, характер организации общества — «денатурализован» (то, что меж тем происходит со Сталиным — вторично, но до крайности напоминает первое выступление). Но и второй докладчик (Д. Андреев), говоря *чрезвычайно* абстрактно, тем более бесповоротно намечает некоторые прагматические моменты: нам нужны «креативные мифы», нужны их «критерии» — пусть и в «творчестве» нового гражданского общества. Фактически же эта условная вторая модель — модель амальгамная, кентаврическая (я из РГГУ, мне это слово можно произносить). До какого-то предела — аморфный дискурс, не научный, не рационалистический, с какого-то предела — ставящий все точки над «i». Очень эффективный. И он прекрасно регулирует и создаёт вашу сферу интересов. При всём моём уважении, доверии к Дмитрию Андрееву, который высказывается вроде бы в фактическом ключе, я не понимаю, что такое

«точки сборки распылённого общества», что такое «распылённый народ» и «вибрации» народа, что такое «общий энергетический настрой» и «модус, собираемый во временных точках».

Но я, конечно, понимаю и как представитель «иных дней, иных снов» едва не с полуслова понимаю, что такое поиск критериев оценки Сталина. И новые маски слов и сил, и Цены Предложений, и сферы интересов. Вот — те две модели, которые сегодня возникли. In toto. Исследовать их — и есть наша общая задача и наш интерес.

Наконец, последнее, что я хотела бы сказать. Как мне кажется, в прагматической модели, о которой я завела речь, возникает, отчасти, но возникает, отход от перестроечной практики осмысления сталинизма в качестве подвижной, как плазма, системы Абсолютов (абсолютного добра, абсолютного зла, народа как носителя абсолютной истины и мн. др.), т. е. от всеобщего рассуждения в метафизическом «запределье», иначе не сказать. Сейчас всё-таки появляются некоторые прагматические подвижки, конкретизация, пусть и все ещё идеологическая куда более, чем аналитико-теоретическая, и конкурентная куда более, чем дискуссионная, осмысления.

Но при этом мы должны отчетливо понимать, что мы всё ещё не преодолели типично перестроечного распределения «энергии», мы ещё не отказались от рационализации, свойственной всё-таки XX столетию, т. е. того, что нам было предложено историей XX века. Я имею в виду пока только лишь двузначные весы Немезиды, имя коей — ещё и «Судьба»: осмысление сталинизма как цитадели альтернативных схем бытия, с одной стороны, и перестройки как его другого, альтернативного же жизненного полюса, *действительно* оппонирующего сталинизму. А от этого противопоставления, этой дилеммы — время уходить. Уходом не нарциссическим — в тропики дискурса.

ВЕДУЩИЙ. Итак, мы переходим к теме третьего заседания —

Пакт Молотова–Риббентропа, проблемы оккупации, военных преступлений, цена войны в западных СМИ и интернете

Я прошу открыть дискуссию Бориса Вадимовича Соколова и Наталью Валерьевну Трубникову.

Борис СОКОЛОВ

Война у нас, как мы выяснили на прошлой сессии, очень сильно мифологизирована. Мифологизирован вопрос о цене, мифологизирован вопрос о военных преступлениях, мифологизирован вопрос о внешней политике, пакт Молотова–Риббентропа, о том, кем был Советский Союз в этой войне: агрессор или жертва, освободитель или оккупант?

Вопрос о цене. Всё зависит от того, какими цифрами люди оперируют. Если официальными цифрами, то это 8600 — это почти немецкие потери, тогда наши потери всего в какие-то 2 раза больше. Но это ерунда. Получается, что Советский Союз воевал неплохо, и Сталин — это гениальный стратег. Если брать реальные цифры, то они составляют: где-то за 20 млн. только в армии, то тогда получается, что воевал не очень здорово.

Я не буду здесь приводить методы подсчёта потерь, это всё равно с голоса не воспринимается. Но хочу сказать, что считал тремя альтернативными способами, получилось за 20 миллионов

каждым способом, только военных потерь. Гражданские потери я оценил где-то в 17 миллионов, общие — где-то в 43 миллиона. Кстати сказать, наивно думать, что у немцев все потери были посчитаны. Потери гражданского населения там вообще не были посчитаны. Существуют некие широкие оценки: от 1 миллиона до четырёх, в зависимости от того, кого считают и как. Военные потери более точно посчитаны и составляют где-то около 4 (от 3,1 до 5,3) миллионов. Это более или менее точно, у нас такой точности нет и не будет никогда. Если даже теоретически откроют все военные архивы, и какая-то армия статистических работников проанализирует все декадные донесения о потерях и составит баланс, очень быстро там обнаружатся очень большие лакуны. Ничего, способствующего прояснению истины, мы не получим. Кстати, сейчас в выяснении потерь мы подошли к пределу. Главное сейчас не источники, а методика подсчёта, я могу это сказать как специалист.

Более актуальные мифы — например, что такое был пакт Молотова–Риббентропа? На самом высоком уровне было заявлено в дни празднования юбилея в прошлые годы, что это был как бы наш ответ на Мюнхенское соглашение, что эти пакты играют одинаковую роль в генерации Второй мировой войны. По этому поводу всё-таки стоит заметить, что когда Чемберлен и Даладье подписывали Мюнхенское соглашение, пусть не самое достойное и не самое справедливое, они всё-таки искренне верили, что это обеспечит мир, что немцы удовлетворятся захватом немецких этнических территорий и дальше не будут распространяться. Но они ошиблись. Кстати, сами они ничего от этих соглашений не получили. Когда же Сталин и Гитлер по-братски делили Восточную Европу, то оба партнёра-соперника получали солидные территориальные куски. И, наверно, Сталин догадывался, что на днях должно состояться нападение на Польшу, ему об этом даже сказали.

Поэтому, когда мы эти вещи начинаем не признавать, то, действительно, поляки обижаются, прибалты обижаются, но когда мы говорим на уровне нашего МИДа, что в странах Балтии была аннексия, но что по нормам 1940 года это вещь вполне законная, а оккупации не было, то любой здравомыслящий человек встаёт в тупик, потому что, чтобы какую-то территорию аннексировать, её надо прежде захватить, т. е. оккупировать. Опять же, когда мы начинаем говорить вот так, тем самым мы только злим народы, которые подверглись оккупации. Я не думаю, что тем самым мы помогаем русскоязычному населению Балтии, отношение к которому отравляется этим сознанием.

Я бы вообще призвал участников форума задуматься вот над каким вопросом: должны ли мы применять ко всем участникам

Второй мировой войны одинаковые критерии или разные критерии? Чем отличается германская оккупация Австрии и Чехии, не встретившая сопротивления и осуждённая позднее на Нюрнбергском процессе, от советской оккупации стран Балтии, германская агрессия против Польши от советской агрессии против Финляндии? Допустим, Советский Союз аннексировал восточные земли Польши или страны Балтии, но не оккупировал их прежде. Это для меня загадка, я думаю по этому поводу будут высказаны здесь различные точки зрения.

Болезненный вопрос — военные преступления. Причём сейчас активно педалируется вопрос о военных преступлениях против немцев. Это то, что творила Красная Армия в Восточной Германии в последний год войны. В меньшей степени, это то, что творили союзники в Западной Германии, там тоже было всё не так здорово, как представлялось в первые послевоенные годы, хотя масштаб был сильно меньше. Сюда же можно отнести террористические бомбардировки союзной авиацией германских городов: того же Дрездена, того же Кёнигсберга, того же Гамбурга. Как с этим быть? То есть, надо ли за это извиняться или не надо? Как тут поступать? Когда надо извиняться? Одинаковые ли должны быть критерии по отношению к побеждённым или победителям? Как относиться к депортации 12 миллионов немцев из Восточной Европы? Чехи и немцы решили этот вопрос полюбовно. Если мне память не изменяет, в 1997 году они извинились друг перед другом: тогдашний канцлер извинился за оккупацию Чехии и за те репрессии, которые немцы учинили за годы Второй мировой войны, а чешский президент Гавел извинился за изгнание судетских и остальных чешских немцев и за те преступления, которые были совершены во время изгнания.

Не знаю, dorастут ли до этого поляки и немцы, пока их отношения далеки от того, чтобы они дошли до такого примирения. Но, возможно, это и будет когда-либо сделано.

Почему у нас подавляющее число публицистов опять же отстаивает тезис о том, что Советский Союз не мог быть агрессором, что он не мог ничего оккупировать, аннексировать. На Западе такие вещи в общем признаются, у нас не признаются. Здесь, я думаю, та же причина, почему Сталина опять, если не возносят на щит, то упоминают в положительном контексте, во всяком случае применительно к периоду Второй мировой войны. Это память о старом добром величии, потому что империей Советский Союз стал при Сталине, и это величие прежде всего осознаётся как территориальное величие. Плюс представление, что при Сталине был порядок, а сейчас вот беспорядок. Вообще, свободная страна всегда

более беспорядочна, чем тоталитарная. В тоталитарных странах не бывает мафии, но там бывают вещи похуже, о чём мы, к сожалению, слишком рано забываем.

Вот эти вопросы я бы хотел поставить перед участниками Форума. В научном плане они в основном решены, а в публицистическом они ещё будут дискутироваться, до тех пор, пока в обществе будет сохраняться интерес к событиям Второй мировой войны.

Наталья ТРУБНИКОВА

Чтобы встроить тему своего доклада в тело существующей дискуссии, я хочу напомнить, что проблема мифов, в действительности существует на свете и в науке немного не так, как о ней сегодня говорили. Любое сознание мифологично, в том числе сознание историка. Хотим мы того, или нет, мы всё равно опровергаем одни мифы и создаём другие. Так стоит ли тогда говорить о мифах в таком позитивистском ключе? Однако сам по себе разговор о мифах полезен, потому что количество мифов на единицу какого-то исторического факта свидетельствует о том, что этот факт является живой единицей исторического сознания. И что бы ни говорили об атомарности современных российских жителей, сам факт того, что о войне существует масса мифов, демонстрирует, что война жива в нашем историческом сознании. С этим, наверное, спорить никто не будет.

А теперь, собственно, поговорим о чужих мифах, о тех мифах, которые создавали не мы, а наши союзники, или противники по Второй мировой войне в связи с 60-летием победы советских войск в этой войне. Я могу достаточно ответственно говорить о репрезентативности материалов, связанных с тремя странами: Францией, Испанией и Италией. Главным образом, с Францией, поскольку французские историки значительно более внимательны, чем любые другие в мире к проблемам исторической памяти и её использования. Напомню, что в «Материалах к Форуму» представлены очень интересные аналитические обзоры Владимира Крестовского о новых идеологических маркерах в англо-американских СМИ, Марианны Корчагиной об освещении войны в Германии, Натальи Стабран об уроках, которые вынесла для себя Япония.

Предлагаю обсудить следующие тезисы.

Тезис первый. В отношении России в этой войне действует очевидно презумпция виновности, причём виновности неизбывной и непреходящей. Это доминирующая тема большинства публикаций, сделанных французскими, испанскими и итальянскими жур-

налистами. Что обращает на себя внимание? Очень невысокий уровень этих публикаций, иногда они выполнены откровенно карикатурно. Таковой, например, является статья, имеющая сильный эмоциональный посыл, где изображается изнасилованная советскими солдатами женщина, её несчастное худое тело, которое вынесли из каземата концлагеря. И данная тема используется для репрезентации ситуации в целом: что каждый советский солдат, со всей очевидностью, реально или потенциально, является таким насильником.

Другой вариант, даже вызывающий улыбку, — это образы политических лидеров, которые принимали решение о послевоенном устройстве мира. Здесь фигурирует полный Черчилль — старый маразматик, который совершенно неадекватен и в силу своих каких-то подвижек темперамента и игривости характера принимает поэтому странные решения; второй образ — это образ смертельно больного Рузвельта, который в силу своей страшной болезни не способен на здравые решения; очень странная трактовка роли генерала Де Голля, похожего на цирюльника из известной оперы, генерал без армии; наконец, хитрый, всемогущий, довлеющий над всеми, рассчитывающий на сто ходов вперёд, Иосиф Виссарионович Сталин.

Ещё один популярный сюжет — это, конечно же, тема покаяния или не покаяния России за преступления Советского Союза по отношению к бывшим соседям и союзникам по Восточному блоку. Удивляет обилие публикаций, связанных с темой поездок наших восточно-европейских соседей на оный юбилей. Огромное количество интервью берётся у премьер-министров Литвы, Латвии, Эстонии, у министров иностранных дел, где они как раз муссируют этот вопрос: почему они едут, либо почему они не едут. Очень презентабельна тема исторических обид поляков на русских, причём раскрывается она также несколько карикатурно, например, такой заголовок: «Поляки никогда не простят России Катынь». Действительно, ситуация трагическая, но вот чтобы никогда? Если считать исторические обиды и взаимно составлять списки убитых и покалеченных, то ещё непонятно, чей будет более объёмным.

Ещё грустнее делается, когда в эту дискуссию на страницах периодической печати вступают профессиональные историки. Скажем, живёт на свете одиозный французский историк Стефан Куртуа, организовавший и частично написавший «Чёрную книгу коммунизма», пафос которой сводится к тому, что следует уравнивать преступления коммунизма и фашизма по статусу, нужно заставить Россию каяться за всё, что она сделала по отношению к другим народам. А ещё лучше её судить на процессе, аналогичном Нюрнбергскому.

Отрадно только то, что полемические связки с такого рода выступлениями составляют сами историки, в данном случае французские. И меня очень приятно удивила статья историка Анни Лакруа Риц, которая появилась в журнале «Ле монд дипломатик», где она убедительно, по всем позициям и, главное, без истерики, характерной для творчества Стефана Куртуа, разбивает все его позиции, используя корректную аргументацию и хорошую фактологическую базу.

В этой связи второй мой тезис: пора уже нам, как нации, тоже втягиваться в эти дискуссии с тем, чтобы доказывать несостоятельность подобного рода утверждений, когда в единую кучу мешается всё, что только возможно смешать — историческую аргументацию, ценностные позиции, идеологии, какие-то нормы христианской морали с предложениями покаяния и т. д. Пока, к сожалению, французские историки, отстаивая репутацию миллионов погибших советских людей, не получают поддержки со стороны историков русских. Необходимо инициировать такие дискуссии и вытаскивать таких людей, как Стефан Куртуа, на божий свет. Пока же «Чёрная книга коммунизма», к большому моему изумлению, выдержала в России три издания. Даже не представляю, кто её может читать. Надо учесть, что значительная часть авторов открестилась от этой книги, заявляя, что они не разделяют обобщений Стефана Куртуа, а просто собирали факты. А уж Куртуа расположил их в определённом порядке и идеологически заострил, как ему было нужно.

Наконец, третий тезис: можно попытаться объяснить, чем вызвано такое резкое взаимное непонимание, такой резкий диссонанс. Расхождение, очевидно, вызвано разницей в тонах исторического сознания. Что бы ни говорили сегодня о плохом состоянии исторического сознания в России, боюсь, что во Франции дело с этим обстоит гораздо хуже. Именно в этой связи так много французских историков пишет о манипуляциях исторической памятью, о большом количестве судебных исков, которые посыпались на головы уже пожилых людей, в связи с теми действиями, которые они совершали в прошлом.

А проблема (об этом, в частности, писал Стефан Дени в публикации «Глобализация истории») заключается в том, что действительно, многие люди, живущие в современной Европе, теряют живое восприятие прошлого и они перестают отождествлять себя с предками. И отныне история действительно превращается в средство специальных, преследующих конкретные цели, манипуляций. Отсюда и обилие взаимных судебных претензий. Когда история выходит на арену судебного иска, она, очевидно, уже прекращает быть историей, а становится чем-то совсем другим.

И в этой связи я думаю, что скорее хорошо, чем плохо, что у нас более энергичный статус исторического сознания, независимо от идеологических симпатий и антипатий. Великая Отечественная война для нас важна как великая битва народов, в которой героически сражались и погибли многие миллионы наших предков. Этот момент важен и он, на мой взгляд, превосходит все идеологические обобщения.

ВЕДУЩИЙ. Мы выслушали две позиции и тезисы, которые вынесены на наше общее обсуждение.

Егор ХОЛМОГОРОВ

Коллеги несколько ушли от основной темы этого заседания, связанной с пактом Молотова–Риббентропа. Мне хотелось бы всё-таки вернуться к этой важной теме. Вопрос о покаянии должен стоять лишь в том случае, если мы признаём страны Прибалтики, Польшу и т. д. некими самостоятельными субъектами международной политики на 1939 год. Если мы рассматриваем их через призму, грубо говоря, устава ООН, или хотя бы через призму Лиги наций, в которой Советский Союз состоял (состоял, на мой взгляд, ошибочно для своей внешней политики перед Второй мировой войной) и по отношению к которым он что-то нарушал. Тогда же ситуация рассматривалась немножко по-другому — и Германией, и Советским Союзом в лице лично Сталина.

Обе стороны в течение 20-х, 30-х годов боролись за пересмотр системы международных отношений, которая часто называется Версальской, я бы предложил более корректное название Версальско-Рижская, поскольку важным дополнением к Версальской системе был Рижский мирный договор между советской Россией и Польшей, который закрепил восточные границы Польши, границы захватнические и совершенно не соответствующие границам между Царством Польским и основной Россией до 1917 года. В результате закрепления этой системы в Европе появились две, геополитически и юридически ущемлённые великие державы. Это Германия, у которой достаточно много отрезали с Запада и с Востока, и это Россия, которая была лишена своих исторических западных земель, отброшена на этом направлении почти что в XVII век. Обе державы, несмотря на всю интернационалистическую риторику советских властей, стремились к восстановлению своих исходных границ. Они на этом пути могли сотрудничать, как

того очень хотели многие немецкие национал-консерваторы в 20-х годах и в начале 30-х. Мы не должны забывать, что Гитлер в этом смысле, был клином, с помощью которого западные державы выбили национал-консерваторов из германской политики. Гитлер, в отличие от них, был маниакальным антикоммунистом и сторонником похода на Восток. Соответственно долгое время Германия разрывалась между двумя геостратегическими векторами — вектором Рапалло и вектором сперва Локкарнской, затем Мюнхенской политики планомерного продвижения на Восток, в котором Германии отводилась роль лидера крестового похода против большевизма.

В 1939 году, Вторую мировую войну в имевшем место в истории формате начал Иосиф Виссарионович Сталин. Начал для того, чтобы Вторая мировая война не началась в совершенно ином формате — формате похода Германии в сотрудничестве с западными демократиями на Советский Союз. СССР предложил Германии устраивавшую её геополитическую комбинацию: восстановление границ обеих держав на востоке Европы, да ещё и с приращениями в пользу Германии за счёт бывшего ранее в составе России «Царства Польского». Западные демократии, которые были совершенно не против того, чтобы Советский Союз и Германия, два «тоталитарных монстра», схлестнулись бы в схватке друг с другом, вместо этого сами оказались вовлечены в войну. А Советский Союз, ещё не вступая в войну, проведя две небольших локальных операции, три ввода войск в Прибалтику и одну войну с Финляндией, до начала войны с Германией, обеспечил себе международно признанные территориальные расширения.

Другими словами, ещё до начала советско-германской войны СССР эту войну уже фактически выиграл. Он при любом исходе, кроме катастрофического тотального разгрома Советского Союза Германией, обеспечил себе великолепные стартовые позиции в послевоенном мироустройстве, при этом восстановив свои границы.

С точки зрения любого представителя прагматической, политологии это была блестящая внешнеполитическая комбинация. В этом смысле, конечно, совершенно понятна обида на Советский Союз, обида на Сталина как в западной историографии, так и в тех странах, которые лишились в ходе этой предвоенной подготовки своей независимости или части своей территории.

Сергей СЛУЧ

Хотя здесь неоднократно подчёркивалось, что наше заседание — это не научная конференция, а больше политический и общественный форум для обсуждения актуальных проблем, всё-таки, я хотел бы отметить следующее важное обстоятельство: если мы будем игнорировать очевидные исторические факты, то мы будем создавать не только произвольные конструкции и концепции, но и прямо здесь в зале создавать новые мифы. Вот некоторая иллюстрация к тому, о чём говорил сейчас г-н Холмогоров.

Вскоре после прихода Гитлера к власти СССР перестал поддерживать лозунг о ревизии Версальского договора. И это свидетельствовало о том, насколько поменялась (внешне) позиция Кремля по сравнению с тем, что было раньше, когда Версальский договор был объектом постоянных нападков в советской прессе, источником всех международных кризисов в Европе.

Никакой реальной опасности складывания нового блока нацистской Германии и западных держав в 1938–1939 годах не существовало. Это был некий жупел, который советская пропаганда всячески пыталась вдолбить в головы советских людей, не более. Если даже оставаться в рамках чисто марксистского объяснения причин возникновения Второй мировой войны, то, согласно ему, война возникла из-за непримиримых межимпериалистических противоречий. О каком же объединении нацистской Германии и фашистской Италии с западными державами накануне её возникновения могла идти речь?

Дабы не углубляться в дальнейшее перечисление всяких, мягко говоря, неточностей в построениях г-на Холмогорова, я хотел бы остановиться только на двух датах. Во-первых, 23 августа 1939 года. Подписанный в этот день советско-германский пакт можно сравнивать с Мюнхенским договором, но ни в коем случае не отождествлять. Эти подходы часто путают. Нередко можно услышать упрёк: вы сравниваете Сталина с Гитлером, вы ставите их на одну доску. Когда сравнивают, это вовсе не значит, что ставят на одну доску. Это значит, что выделяют общее и особенное, сходство и различие. Поэтому сравнение — очень перспективное направление в исторических исследованиях, но при этом корректно сравнивать сопоставимые события, явления, величины.

Во-вторых, 17 сентября 1939 года. В этот день Советский Союз напал на Польское государство, тем самым, по всем канонам тогдашнего международного права вступил во Вторую мировую войну. Ибо согласно этому праву, если нейтральное государство вторгается своими войсками на территорию одного из воюющих

государств, то оно перестает быть нейтральным и становится участником войны. И так, 17 сентября 1939 года Советский Союз вступил во Вторую мировую войну фактически на стороне нацистской Германии. Поэтому, начиная с этого времени и вплоть до 22 июня 1941 года, действия советского руководства следовало бы рассматривать через призму этого факта, признание которого с очень большим трудом пробивает себе дорогу и не только в массовом сознании, но и среди историков.

Яков ДРАБКИН

Развертывающаяся дискуссия о Второй мировой войне «в контексте политики, мифологии и памяти» имеет все основания стать интересной и конструктивной. Уже выражены два подхода к проблеме о роли Сталина, а в выступлениях других участников уже прозвучали и различные оценки места в нынешнем общественном сознании мифологии и знания. Соотношение последних проявилось в юбилейном году во множестве разнородных изданий, публикаций, фильмов.

Мне хотелось бы обратить внимание докладчиков и дискуссионтов на два новых примечательных явления. Первое связано с появлением нового издания воспоминаний Льва Копелева «Хранить вечно». Притом вышло оно в серии «Великая Отечественная. К 60-летию Победы» (Издательство «ТЕРРА–Книжный клуб»). Но речь в нём идёт не о военных подвигах, а о том, как деятельный участник войны, майор и политработник, занимавшийся «разложением войск противника», оказался по ложному доносу на 10 лет «насельником» ГУЛАГа якобы за «пропаганду буржуазного гуманизма» и мнимое «сочувствие к врагу», Здесь судьба свела его с Александром Солженицыным и предопределила видную в дальнейшем роль в диссидентском движении. Пока отмечу лишь факт включения *таких* мемуаров в историю войны, а о моральной позиции Копелева скажу позднее.

Второе явление — показ на ТВЦ документально-публицистического сериала Виктора Правдюка «Вторая мировая война. День за днём» (Подзаголовок — «Русская версия» — скорее дезориентирует). Заданный мною в начале нашей дискуссии вопрос об отношении к фильму докладчиков и участников не имел целью ни его рекламу, ни его критический разбор. Мне просто подумалось, что историки и те, кто интересуется проблемами современного общественного сознания (а здесь таких большинство) найдут в нём наглядный материал, заслуживающий обсуждения. К сожалению,

хотя о военных фильмах говорили многие, сериал (показаны пока 49 серий из 88), видимо, не удостоился внимания участников нашей дискуссии. Между тем, он примечателен тем, что в нём, едва ли не впервые, Отечественная война органически вписана в контекст Второй мировой войны.

Воевавшие стороны (Сталин и Гитлер, генералитеты и солдаты, а также народы) показаны на основе извлеченных из секретных архивов документов и уникальных кинолент всех стран. Наконец, анализ событий войны опирается на раскрытие и сопоставление не только разных, но и противоположных версий их развития.

На мой взгляд, именно реальная возможность *научного*, а значит *сопоставительного анализа* важнейших событий Второй мировой войны, стала самой принципиально важной новацией в её историографии. К этому исследователи пробивались долго и мучительно на протяжении многих лет. Мне, как старому историку, памятен длительный послевоенный период, включавший десятилетия «холодной войны», когда преобладали трактовки, выросшие из непреодоленного военного противостояния, вдобавок обострённые всё растущим «конфликтом систем», а документальная база зияла «чёрными дырами» или «белыми пятнами», когда обе стороны преимущественно упражнялись в «разоблачении фальсификаторов», часто методами нагромождения новых фальсификаций. Один пример. Известный немецкий историк Ганс-Адольф Якобсен представился мне словами: «Я и есть старый фальсификатор, меня в советской печати иначе не называли».

Мы затем немало совместно поработали над преодолением подобных мифов. И мне странно было сегодня услышать, что творить мифы — будто бы «креативное дело историков». Всё совсем наоборот: когда ныне собираются серьёзные историки России, Германии и других стран, на первый план выдвигаются не столько национальные или социальные расхождения, сколько споры внутри национальных историографий. Однако и в нынешнем разговоре о мифотворчестве есть всё же некий позитив: мы заняты не только критикой наших бывших и современных оппонентов, но и не брезгуем заниматься самокритикой. В этом я вижу зерна прогресса как науки, так и общественной мысли.

В связи с прозвучавшими здесь высказываниями о насилии, которое чинили советские войска при вступлении в «фашистское логово» (так писала тогда наша пресса), я, как участник войны, хотел бы предостеречь тех, кто знает об этом лишь «понаслышке», от рискованных обобщений. Я хотел бы посоветовать им воздержаться и от преувеличения злодеяний, и от приуменьшения их. Упомянутый мною Лев Копелев жестоко пострадал за попытку

выразить (только в кругу политработников РККА!) протест против конкретных фактов мародерства и насилий, которые видел. Он никогда не обвинял в этом всю Советскую армию. А недавно немецкие историки, создав передвижную выставку, проехавшую по многим городам Германии, показали своему народу, — вызвав громкие одобрения и такие же протесты, — что не одни только эсесовцы и «зондерабтайлюнген», а и регулярный вермахт участвовали во множестве злодеяний и насилий, предшествовавших нашей оккупации Германии. Но нам тоже полезно было бы передать гласности и осуждению все реальные факты наших провинностей, коль скоро их можно установить или подтвердить документально. Только правда и только терпимость пригодны стать средством излечения язв прошлого, настоящего и будущего.

Николай РУДЕНСКИЙ

У меня вопрос к госпоже Трубниковой. Её призыв ко всем собравшимся и не только к ним вытащить, так сказать, за ушко да на солнышко этого Стефана Куртуа, меня немного озадачивает. Мне бы хотелось узнать, почему нельзя ставить на одну доску преступления против человечества, совершённые сталинским и гитлеровским режимами. Я по грехам своим не вижу, почему нельзя этого делать. Как тут уже говорилось, если с точки зрения фактологии историю Второй мировой войны можно считать в основном выясненной, то с точки зрения оценочной, ценностной ещё есть большие вопросы. Например, признание сталинского коммунистического режима таким же бесчеловечным, как гитлеровский, заставило бы, возможно, по-иному взглянуть на процедуру и исход Нюрнбергского процесса, где представитель Советского Союза сидел за одним столом с судьями от других стран антигитлеровской коалиции.

Я помню, как меня поразила одна из первых перестроечных публикаций в «Известиях» 1987 года, где говорилось об одном из жутких процессов сталинской поры и упоминался в качестве судьи Никитченко. Конечно, в статье не говорилось о том, что это тот самый Иона Никитченко, который был советским членом Нюрнбергского трибунала. А это довольно любопытная деталь. Ещё раз повторяю, мне хотелось бы услышать ответ на этот вопрос.

Александр ШИРОКОРАД

Сейчас мы услышали точку зрения, что Сталин был агрессором, оккупантом, в 1939–1940 годах аннексировавшим прибалтийские республики. Тогда возникает вопрос: а как быть с Ярославом Мудрым, который ещё в XI веке построил города Юрьев и Колывань. Потом пришли немецкие агрессоры, выгнали русских из Юрьева и построили свой город Дерпт, а датские агрессоры построили датский город Ревель. Кстати, Таллин по-эстонски означает «датский город». И ещё вопрос: почему польские генералы и министры, а также значительная часть населения Польши, я имею в виду образованную её часть, считали, что Одесса и Киев — это исконные польские города и ратовали Польшу «от можа до можа»? А советские генералы, которые заняли Брест, бывший город Берестье, не агрессоры. Это не совсем ясно.

Всё время в предыдущих выступлениях пытались отделить Сталина от народа. Вот тут интересный вопрос: а как большинство русского населения, пропаганда, бог с ней, как сами относились к возвращению Бреста, к возвращению Ревеля, Выборга? Тут можно рассказать и о реакции эмиграции. Даже Великий князь Александр Михайлович, у которого большевики убили двух братьев и кучу других родственников, в 1932 году написал, что пройдёт несколько лет, и нелепая независимость Прибалтийских республик будет уничтожена, царство Польское вернётся в состав России, а будущим картографам придётся немало потрудиться над перечерчиванием дальневосточных границ России. Это писал Великий князь перед своей смертью, он умер в 1933 году, мемуары его опубликованы были ещё до Второй мировой войны.

Кстати, а как немецкий народ относился к территориальным приобретениям Гитлера? И что значит приобретение? Концлагеря наши и немецкие — это одно, а возвращение Рейнской области приветствовалось всей Германией. Так что тут надо бы вспомнить слова Ленина о Французской революции: вначале войны были освободительными, Франция защищалась, а потом французы стали захватчиками, т. е. при Вьяме они защищались, а при Бородине были захватчиками. И Сталин, выступая в 40-м году, тоже сказал, что в начале войны Германия восстанавливала то, что у неё было несправедливо захвачено, дальше с захватом Норвегии и Франции она стала захватчиком. И, повторяю, население обоих государств поддерживало своих правителей, единодушно поддерживало, даже русская эмиграция в значительной степени поддерживала Сталина.

Владимир СЕМЕНДЕЙ

Я бы хотел коснуться некоторых аспектов дискуссии вокруг пакта Молотова–Риббентропа, хотя он официально имеет статус договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. Что касается стран Прибалтики, нужно отметить, что на сегодняшний день культивируется образ жертвы и совершенно упускается из вида реальное положение по раскладке сил, существовавшей тогда. В Латвии очень не любят вспоминать, что руководство страны поздравило Польшу, участвовавшую в разделе Чехословакии. В Латвии ещё не любят вспоминать, что после начала военных действий, латыши очень быстро закрыли польское посольство в Риге, а в то время Латвия граничила с Польшей, и закрыли границы, чем, соответственно, нанесли некоторый ущерб тем, кто мог использовать дипломатические каналы.

В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что в тот исторический период каждая из стран применяла такие действия и такие технологии, которые неприемлемы с точки зрения умных, сытых после обеда людей, которые размышляют сейчас об этом, используя все наши теперешние знания, умения и навыки. Безусловно, каждая, большая или малая, страна имеет свои грехи. В этой связи нужно отметить, что попытки сегодня доиграть Вторую мировую войну, довоевать с Россией воспринимаются болезненно. Именно в этой связи встречаются и перехлёсты в тех геополитических конструкциях, о которых мы сегодня слышали. Мне кажется, что это сегодня непродуктивно. Безусловно, изучение истории должно быть делом самих историков. Но неизбежно также, что в той или иной мере всё это будет использовано и в политическом контексте, политическом дискурсе.

Был высказан очень важный тезис о том, что современное российское общественное мнение старается дистанцироваться от этих дискуссий: кто кого, в какой мере и сколько обидел? Я считаю, что это не столько негативный факт, сколько позитивный, потому что это позволяет в большей степени надеяться на то, что мы смотрим в будущее, а не цепляемся за отдельные моменты — кто, кого и сколько обидел. Что касается покаяния, то в православной традиции это индивидуальный факт. Призывать современную Россию с нашей написанной и утвержденной конституцией, с нашим многоголосием (кто бы там что не говорил о том, что наш голос зажимается), призывать к ответственности за те действия, которые происходили 60 и более лет назад, мне представляется непродуктивным. Это оскорбляет наш народ, это оскорбляет и меня, например, лично.

В этой связи все попытки использовать отдельно взятые, выхваченные из исторического контекста, факты, какими бы страшными они ни были, мне представляется не более, чем политическими играми, переходящими иногда в информационно-политические войны. А на войне, как на войне, возникают также какие-то неадекватные ответные концепции. Но, ещё раз подчёркиваю, эскалация идёт не от российских историков, политологов, публицистов, искусствоведов и т. д. Эскалация идёт от стран Восточной Европы, эскалация идёт от определённых кругов (вот был пример Франции), которые на этом делают свой политический или какой-то иной бизнес.

К сожалению, это может быть достаточно опасно, т. к. делаются попытки суд переместить в юридическую плоскость. Дело в том, что пока всё происходит на уровне риторики. Но не дай бог, если Россия ослабнет, то тогда все счета, которые записываются, они будут предъявлены: японцы будут опять настаивать на том, что у них когда-то было пол-Сахалина и неплохо бы вернуть. Это представляет наибольшую опасность. А согласиться с тем, что, да, были ужасные сталинские репрессии против многих представителей народов Прибалтики, то это действительно было. Но всё это подавать в таком ключе, создавая для руководства России неприемлемые условия для того, чтобы можно было всё это оценить, это не метод.

Если бы руководство стран Балтии действительно было заинтересовано в том, чтобы поставить точку в этом вопросе, весь диалог по этому поводу выстраивался бы совершенно в ином ключе. На самом деле, они не заинтересованы в том, чтобы с обеих сторон, в частности, и со стороны России, была поставлена точка. А что касается позиции той же Латвии, Ульманис ничего не сделал, чтобы защитить граждан немецкой национальности, когда Гитлер призвал их вернуться в Рейх. Наоборот, он сделал всё, чтобы в 1939 году они все туда уехали. Он, не включаясь в переговоры со странами демократии, Великобританией, Францией и др., обеспечил их выезд

Николай РУДЕНСКИЙ

Разговор идёт, я бы сказал, в отрыве от общей ситуации, которая была в стране в тот период времени. Мы забываем всё время, что это была жестокая диктатура, это был жестокий тоталитарный режим. Мы знаем о том, что, например, договор 23 августа 1939 года, решение о его подписании с Гитлером Сталин принял фактически единолично, не говоря ни о каком Верховном Совете.

Даже Молотов, министр иностранных дел, был поставлен в известность об этом в последнюю очередь. Мифы создаются именно тогда, когда забывается фактическая сторона дела.

Александр ГРОССМАН

На ещё советско-германской конференции, на которой эти проблемы тоже обсуждались, после моего выступления, когда я сказал о том, что это была оккупация со стороны Советского Союза, наш руководитель, академик, не буду называть его фамилию, отозвал меня и сказал: как вы могли заявить такую вещь? Вся наша историческая наука говорит о том, что это было добровольное вхождение, что это воля народа и т. д. Зная об этом, я захватил с собой книгу, которую и показал ему. Эта книга была как раз перед конференцией издана Министерством иностранных дел СССР и называлась «Советские послы сообщают», в которой чёрным по белому было написано и было ясно, что это была советская оккупация.

Я хочу сказать, что такие умолчания, игнорирование документов, игнорирование архивов, игнорирование фактического положения дел чревато искажением не только прошлого, но и настоящего. В 1993 году в нашем журнале «Вопросы истории» удалось опубликовать ранее засекреченный документальный материал (из Архива Президента РФ) о нашем вторжении в Афганистан. Уже после выхода номера, во время посещения этого архива, мне необходимо было уточнить некоторые детали. Но я услышал: мы не можем этого сделать, этот фонд опять засекречен. Т. е. происходит, как вы видите, в ряде случаев откат, который мешает историкам объективно оценивать происходящие события как далёкого прошлого, периода Второй мировой и Отечественной войны, так и настоящего времени. Наша с вами задача, как мне кажется, заключается в том, чтобы стремиться максимально правдиво, опираясь на факты, документы, рассказывать молодому поколению, да и не только молодому, как всё было на самом деле.

Анатолий ПРОХОРОВ

Мне представляется, что в нашем разговоре присутствует две темы. Первая тема — это оценка исторических реалий: в чём заключался пакт Молотова–Риббентропа, каковы были наши действия в присоединении Прибалтики или Украины? Это были само-

стоятельные государства, одновременно и субъекты, и объекты международного права. И воинские контингенты, введённые на их территории, их оккупировали, а потом, соответственно, была аннексия. Это одна сторона. К этому же, на мой взгляд, относится не совсем правильно сформулированная тема преступлений Красной Армии на завоёванных немецких территориях. Красная Армия — это механизм, она не для этого была предназначена. Речь идёт о преступлениях военнослужащих. Тогда, может быть, до общественного сознания мы сможем эти факты довести. Надо показать, что такое война, как она воздействовала на людей — очевидцев событий и их участников.

Перехожу ко второй составляющей нашего разговора — война и послевоенное время, которые отложились в нашем сознании. Я, например, помню как мы, 6-летние дети, ходили кругом в нашей детсадовской комнате и говорили друг другу: ты чего шумишь, дедушка Сталин болеет. Потом мы вырывали друг у друга плакат с портретом Хрущёва на очередной демонстрации. Я всё это пережил. Так вот, общественное сознание не готово воспринять те реальные оценки и факты, которые сегодня, по-моему, очевидны для историков. Почему? Этому тоже есть причина. Почему во Франции (это в Материалах к Форуму хорошо показано) 60-летие победы — это лишь повод для того, чтобы позубоскалить по поводу современных политических проблем, а для нас — святой день, до сих пор святой день? А как святое может быть связано с какими-то пакостями? Ещё долго предстоит нам ждать момент, когда наше общественное сознание примирится с тем, что для исторической науки является очевидным фактом. И я думаю, что подобного рода обсуждения, встречи помогут подводить наше общественное сознание к историческим истинам.

Марианна КОРЧАГИНА

Надо признать, что, в отличие от научных кругов, СМИ никакого интереса не проявляют к темам наших дискуссий. Почему? Да потому, что историки-профессионалы не выдают какие-то сенсации, ничего не развенчивают, а просто пытаются понять, почему было так, а не иначе, и что нам дальше делать, как нам дальше жить, какие нам вообще необходимы знания. В 1998 году у нас, к примеру, была конференция совместно с немецкой стороной на тему «Россия и Германия на пути к антитоталитарному консенсусу». Про наших историков, серьёзных, академических, я не говорю, с немецкой же стороны приехали такие историки, как Брахер, Якобсон,

Фауленбах. Но это не вызвало в СМИ абсолютно никакого колыхания.

Теперь что касается мифологии. Когда я готовила обзор по немецкой прессе для «Материалов» к Форуму, мне пришлось, с одной стороны, заниматься СМИ, а с другой, мне пришлось окунуться в тему для меня абсолютно новую — историческая память. Я сделала вывод, что знание истории и историческое сознание — это разные вещи. Есть мифы и мифы. Что надо развенчивать, а о чём полностью надо знать правду? Ведь есть мифы, которые возникали и во время войны, и которые очень многим людям, и тогда и последующим поколениям, помогали выстоять, а нам помогали расти нормальными людьми.

В то же время я поняла, что памятью, мифами очень охотно в разных интересах манипулируют. Как раз последние выступления в немецкой прессе это очень хорошо демонстрируют, потому что память, в общем-то, не для того, чтобы помнить о прошлом просто так. Она для того, чтобы ориентироваться в настоящем, прежде всего. И тогда возникает вопрос: почему вдруг сейчас (ну да, юбилей, понятно) возникла именно проблема памяти. Только ли потому, что участников, носителей информации о той войне становится всё меньше, и может быть, что такого юбилея с их участием уже не будет? Я думаю, что нет, есть ещё какой-то подспудный момент, во всех выступлениях он указывался, но никак не был выражен.

Сейчас людей, мировое сообщество очень волнуют дела не минувшие, а дела нынешние, то что называется: глобальные вызовы времени. Они интересуют и политиков, и представителей СМИ, которые озвучивают это. И уже становится страшно признать человечеству, что до сих пор жили как-то не так, не в той логике, что пора отказываться от той логики господства-подчинения, которой пропитана вся цивилизация раннего нового времени. Как преподносятся сейчас мифы о войне, память о войне в прессе? Мне кажется, что все сводится к взаимному подсчёту обид, стремлению представить, к примеру, немецкий народ жертвой, к тому, что война была несправедливой со всех сторон, все были хороши: и Гитлер, и западные союзники, не говоря уж о Советском Союзе. Насаждение такого клише, как коллективная вина, требование опять же коллективного покаяния, хотя дело это сугубо индивидуальное, все эти вещи не способствуют преодолению логики, по которой мы жили до сих пор. Наоборот, они её только консервируют, закрепляют в сознании очень многих людей.

В связи с этим ещё замечание о том, как у нас воспринимался опыт преодоления прошлого в Германии. У нас всегда на первом

месте был именно карательный момент в этом опыте, хотя на самом деле, преодоление этого прошлого было связано с колоссальной просветительской работой.

Константин ЭГГЕРТ

Да, госпожа Корчагина, мы, конечно, знаем, что во всём виноваты журналисты и ещё немножко кинокритики, г-н Марголит, например. Мы к этому привыкли. В принципе, дело вот в чём: мне кажется, обвинение нас в том, что нет серьёзной дискуссии, несправедливо. Я попытаюсь это объяснить с точки зрения профессионала масс-медиа. Проблема в том, что вашу академическую дискуссию о мифах (а мы говорим о массовых мифах, о массовом сознании) мы не донесём до массового сознания. Ну, не будет читать Сидор Антонович Пупкин в Челябинске материалы самого замечательного семинара про Россию и Германию в 1939–1945 годах. Для этого существует вот этот институт, пока ещё развивающийся, что у англичан называется popular history. Популярны историки используют другой язык, более понятный широкой массе, немножко, может, сглаживая и упрощая, пишут об истории. Их сочинения издаются огромными тиражами. И это не значит, что данные историки несерьёзные или просто шарлатаны. Я имею честь быть другом нескольких таких людей. В Великобритании это, к примеру, Уильям Шоукрос и Энтони Бивор. Они работают и на основе первоисточников тоже. Я видел, как работал Бивор над книгой «Падение Берлина», это действительно была серьёзнейшая работа.

Именно такие люди транслируют результаты научных дискуссий в общество, именно через них общество знакомится с серьёзными проблемами истории. В России пока этого нет. В Германии это есть. Я не могу претендовать на глубокое знание Германии, но знаю, что там есть две вещи. Там по-прежнему велик авторитет человека, у которого написано в визитной карточке: профессор–доктор–доктор. Это очень сильно поднимает его в глазах рядового бюргера. И второе, о чём очень справедливо было сказано: Германия через свой опыт хирургической операции над собственным сознанием, продолжает идти путём преодоления прошлого, и путь этот начала давно. Напомню, через 20 лет после окончания войны, а Россия начала через 50, что, конечно, означает — осталось меньше живых свидетелей. Это к вопросу об исторической памяти.

Почему, скажем, как бы к этому не относиться, сегодня Литва, Латвия, Эстония уже в Евросоюзе, а Россия решает, куда ей идти. Я очень много времени проводил в Прибалтике в 70-е, 80-е годы,

у друзей были дедушки и бабушки, которые могли рассказать, как там жилось в 1935 году. А мне никто уже не мог рассказать, что было до 1917 года, потому что физически таких людей попросту не осталось.

К вопросу об источниках и об отношении к ним. Приведу опять-таки пример Бивора. Я получил сигнальный экземпляр его книги о Берлине ещё до того, как она появилась в английской продаже. Поскольку это интересная тема, я сделал с автором интервью, и мы решили устроить небольшую дискуссию по этой теме, поставили интервью с Бивором на сайт, пригласил к нам в студию ещё человека из Института всеобщей истории РАН (не буду называть его фамилию) и его оппонента. Приходит учёный и говорит: вы знаете, мы сегодня на учёном совете приняли решение книгу осудить. Я спрашиваю: вы что, её уже читали? Отвечает: нет, не читали, но это же очернение. Я спрашиваю: в чём очернение? Он отвечает: он же пишет там сплошь про изнасилование немецких женщин.

Пытаюсь ему объяснить, что не сплошь, что это лишь отдельные моменты. Он, Бивор, в прошлом офицер-танкист, он пишет, как солдат о солдатах, о том, что отлично воевали русские и немцы, но были и чудовищные моменты, например, когда гитлеровцы затопили метро и др. Каждый факт, особенно что связано с советскими военнослужащими, у него подтвержден документально, конкретными ссылками на архивы. Он находил факты в ГА РФ, в военных архивах, работал с донесениями Берии Сталину, генералов — Берии, агентов СМЕРШа — членам Военсовета. Я говорю историку из РАН: а с этим как, будете разбираться? Он отвечает: конечно, будем, мы ещё проверим, как этот фальсификатор работал.

Как он работал, я знаю, я видел у него копии этих документов дома, и знаю, кто на него работал и всё это переводил. Мы долго ждали появления книжки на русском, книжка появилась, наконец, в 2004 году. Я всё ждал, когда будет опровержение. Но пока никто из российских историков не предпринял попытку с ним поспорить.

И последнее, что я бы хотел сказать по поводу освещения нашей темы в средствах массовой информации. Про Францию не знаю, хотя статья в защиту Сталина в «Монд дипломатик» меня совершенно не удивляет. Это достаточно известное издание, лево-социалистическое, это правильно, это в рамках его редакционной политики. «Фигаро» пишет иначе. Это нормально, это дискуссия, как принято в демократическом обществе и ничего тут странного нет. Единственно, что мне показалось интересным, это то представление, будто на западе, якобы, существует единая точка зрения давить на Россию, представлять её в виде какого-то медведя. Ничего этого нет.

Во время 60-летия бомбардировки Дрездена я был в Англии и видел многочисленные фильмы, дискуссии по поводу: надо было бомбить Дрезден или не надо было? Есть мнения как «за», так и «против», разделяются по этому поводу мнения у либерального и консервативного сектора. Единой точки зрения в демократии быть и не может. Есть мнение, к примеру, что надо к памятнику маршала Харриса (командующий бомбардировочной авиацией Королевских ВВС в годы Второй мировой войны) цветы положить, и есть мнение, что его надо было чуть ли не в Нюрнберге судить за военные преступления. Единственная проблема в том, что общество, как таковое, я в данное время говорю только об англичанах, абсолютно не уверено, что оно во всём было право, а все вокруг были негодяями и подлецами. Зато такая тенденция в современной российской мысли и сознании есть. В этом и заключается отличие.

Галина КОЗЛОВА

Будучи почти во всём согласна с г-ном Эггертом, у меня, тем не менее, вопрос: а почему Вы именно этого представителя Академии наук пригласили? Ведь для того, чтобы просвещать аудиторию, о чём мы говорили сейчас, именно на Вас ложится ответственность за то, что услышат люди.

Константин ЭГГЕРТ

Не надо обо мне думать лучше, чем я есть. Когда мне и моей команде надо организовать дискуссию, а Би-би-си — общественный вещатель, и я как его сотрудник должен представить значимые точки зрения, то в этой ситуации я начинаю искать того человека, который может сказать, что всё было правильно и ничего ревизовать не надо, и того человека, который может сказать, что здорово, что вскрыты такие новые пласты, это надо ревизовать и идти дальше. Моя задача организовать такой острый политический «тропик дискурса», как тут говорили, и соответственно всё это представить публике. Я с удовольствием нашёл бы человека, который читал эту книгу или который мог бы представить какие-то базовые вещи, более основательные. Но мы не боги. Так бывает: продюсер звонит одному, другому, третьему человеку, но их нет на месте. Приходится звать тех, кто откликнулся, кто может придти.

Галина КОЗЛОВА

Тогда встаёт вопрос к научной общественности, и это я тоже знаю лично: люди либо не хотят приходить, либо говорят таким языком, который публике не понятен. Вывод: надо идти навстречу друг другу и вместе решать эту задачу, которую Вы обозначили как «публичная история».

Константин ЭГГЕРТ

Уважаемые господа научные работники! Я сразу могу сказать, кого любят в электронных массмедиа: того, кто хотя бы год поработал в США, потому что если ему говоришь «у Вас 1,5 минуты», то он говорит 1,5 минуты, он чётко отвечает на поставленный ему вопрос. Ведь для того, чтобы донести массу любую свою идею, её надо, конечно же, упростить. Если вы хотите говорить о том, чтобы менять общественное сознание и при этом обсуждаете это с людьми, которые читают книги с тиражом 1000 экземпляров, то знайте, я могу её прочитать, жена моя прочитает, но масса это читать не станет.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо. У меня только справка для г-на Эггерта. Бивору ответили посол России в Великобритании г-н Карасин Г., ответил и О.А. Ржешевский. Поэтому, нельзя сказать, что не было совсем реакции, она была, пусть и эмоционально-отрицательная. А если продолжить наблюдение Галины Козловой о том, что подозрительно, что средства массовой информации хватаются за первого попавшего специалиста, который готов сказать сразу «да», либо является старым знакомым, вместо того, чтобы всё-таки познакомиться с историографией проблемы хотя бы немножко, то назову специалистов, которые были бы интересны зарубежной радиостанции — к примеру, присутствующие здесь Александр Галкин, Яков Драбкин, Борис Соколов, а также Евгений Плимак, воспоминания которого изда ны в этом году...

Однако мне приходится прервать интересную дискуссию и перейти к подведению итогов обсуждения последней темы нашего Форума.

Борис СОКОЛОВ

В своём заключительном слове отмечу, что любопытно было выслушать идеи г-на Широкограда — вот бы нам границы XI века реставрировать, а также г-на Семендея о том, что войска Советского Союза вошли в Латвию, мстя за то, что латыши закрыли польское посольство. Всё это, конечно, забавно.

Если говорить о более серьёзных вещах, например, о преступлениях: да, Красная Армия — это не механизм для преступлений, так же как и вермахт — это не инструмент для преступлений военных или против человечности. Это уж точно. И что конкретно совершали солдаты вермахта, то это те же преступления против мирного населения, те же насилия и убийства, карательные мероприятия против партизан, в том числе с уничтожением мирного населения. Насчёт преступлений, связанных с изнасилованиями и убийствами, напомним, что Красная Армия отличилась не только в Германии, и Югославии досталось, и Венгрии, и Польше, и Украине, и Латвии. Мало кто этого избежал, просто о тех преступлениях, которые были совершены на территории СССР, о них вообще очень мало пишется. Вместе с войсками НКВД Красная Армия совершала карательные мероприятия против партизан где-нибудь на Северном Кавказе, в Прибалтике или на Западной Украине, всё это тоже, конечно, было. Только масштабы были меньше, поскольку там меньше было партизанское движение, чем на оккупированной немцами территории. Категории преступлений, в общем, были схожие, если брать вермахт и Красную Армию.

Что касается книги Бивора, то я с удовольствием прочитал эту книгу, когда она вышла по-русски в 2004 году, и даже написал на неё положительную рецензию. Пытался опубликовать её в двух журналах, но безнадежно. Отдал сейчас текст в третий журнал, дай бог, опубликуют. От меня тут зависит мало. Есть у меня, правда, некоторые сомнения в отношении цифр: не убежден, сколько немок, 2 или 5 миллионов, было изнасиловано. У меня по этому поводу большие методологические вопросы: как подсчитали (а это очень сложно подсчитать), какие тут могут быть документы? Те, кто убивал и насиловал, как правило, не писал об этом в письмах и дневниках, не рассказывал об этом ни друзьям, ни журналистам, даже когда наступила гласность. Но вообще книга, конечно, честная, автор Красную Армию не одной только чёрной краской рисует. Если брать всю книгу, то в ней и мужество русских солдат и акты помощи немцам, словом, разные картины конца войны представлены.

Наша дискуссия показала живучесть мифов. Кто-то их разделяет, кто-то нет, но нам с ними жить. А с мифами жить трудно.

Я говорю не о покаянии, я говорю об извинении и, наверное, на определённом этапе общество до этого дорастёт, как дорастают постепенно другие страны. Но когда это произойдёт, я не знаю.

Наталья ТРУБНИКОВА

Отвечаю на вопрос о Стефане Куртуа, почему надо с ним спорить, а не усваивать молчаливо всё, что он пишет. Причин несколько.

Первая. Сама идея отождествлять все виды тоталитаризма — левый с правым, зелёный с красным и серо-буро-малиновым — достаточно абсурдна, хотя бы потому что у нас нет такого спортивного интереса — сравнивать два режима, у которых различного было так же много, как и общего. У нас нет той шкалы, нет той степени, нет того ресурса сравнения, чтобы этим заниматься. Мне такая идея не близка в принципе, потому что она превращает реальные преступления и реальные трагедии в некие отвлечённые схемы. Этим грешит, кстати теория тоталитаризма как таковая, она игнорирует очень много частных, которые, по сути, и составляют массив истории. Огромное количество частных она сводит к некой общей схеме.

Вторая причина. Сама книга Стефана Куртуа написана в жанре «Ноггог», в жанре книги или сценария для экранизации ужасов. Эта книга направлена на коммерческое удовлетворение потребителя, который хочет испугаться. В этом смысле книга совершенно антиисторична.

Третий момент. Поскольку в этой книге палачи целиком и полностью отождествляются с жертвами, и поведение Сталина сливается воедино с поведением целой страны, и кроме преступника Сталина здесь никто не получает права что-либо сказать, — это тоже сугубо антиисторично. Куда ни кинь, а книга плохая.

И реплика в ответ на упрек в том, что я обидела профессиональную корпорацию, сказав, что доминирующая тенденция в восприятии юбилея — это презумпция неизбывной виновности России. Я этот вывод основываю на доминирующем потоке публикаций и могу аргументировать свою точку зрения, которая не является ни пристрастной, ни идеологически ориентированной. Я не утверждаю, что все журналисты: а) плохи; б) глупы; в) что все являются левыми или правыми. И если журнал «Ле монд дипломатик» имеет репутацию «левого», само по себе это не снижает эвристической, научной ценности напечатанной в нём статьи. Не всё, что публикуется в левом (или правом) журнале является научно

несостоятельным. Анни Лакруа Риц представила в данном случае очень корректную, политически «незаинтересованную» аргументацию. В отличие от аргументации Стефана Куртуа, насквозь и экстремально «правой».

ВЕДУЩИЙ. Слово для заключительного комментария нашему коллеге из Казанского государственного университета Дмитрию Ивановичу Люкшину.

Дмитрий ЛЮКШИН

Формат общественно-политической дискуссии достаточно сложен для собравшихся, потому что одна часть, как правило, не слышит другую. И журналисты, и профессиональные историки, и политологи, и действующие политики сталкиваются с проблемами интердискурсивной коммуникации. Наблюдая за ходом дискуссии, хочу сказать, что только в рамках третьей темы удалось более или менее эти дискурсы совместить и разговор, наконец, обрёл форму дискуссии. Особенно, это касается вопросов, поднятых Константином Эггертом, Натальей Трубниковой и Борисом Соколовым. Мы стали обсуждать проблемы на языке, понятном друг для друга. Это, мне кажется, удачный результат. Но и других коллег, выступавших со своими, безусловно, интересными докладами, и всех предшествующих выступавших и дискуссантов я хочу поблагодарить за то, что они создали возможность для диалога.

Естественно, в формате полуторачасовой дискуссии по третьей теме невозможно решить ни проблему пакта Молотова–Риббентропа, ни вопросы оккупации и военных преступлений. Полагаю, что в данной ситуации Форум преследовал более прагматичную и простую цель: познакомить общественность с существующими точками зрения, вынести на её суд находящиеся в научном обороте исследовательские подходы. Думаю, что эта задача успешно решена.

ВЕДУЩИЙ. Наш Форум подходит к концу и я предлагаю перейти к заключительным комментариям к нашей дискуссии.

КОММЕНТАРИИ

Андрей КВАКИН

Еще в начале нашего Форума прозвучал тезис, что факты Второй мировой войны всем известны. А у меня не тезис, а антитезис: факты по Второй мировой войне подавляющему большинству населения неизвестны. То, что мы сегодня дискутировали, нам кажется это очень важным, что мы решаем какие-то проблемы. Наверно, это так и есть. Но я воспользуюсь таким перефразированным высказыванием: крайне узок наш круг и крайне далеки мы от народа. 9 Мая, шестидесятилетие Победы, огромные деньги, фейерверки, салюты, флажки, ленточки на машинах — пройти мимо этого события было просто невозможно, телевидение потчевало нас эмоционально заряженными фильмами, набором клипов и т. д. Через месяц, 6–8 июня на юридическом факультете МГУ я провожу экзамен. Не отвлекаясь на другие вопросы, решаюсь задать вопрос, что говорится на «троечку»: когда началась и когда закончилась Великая Отечественная война советского народа? Результаты: в одной группе — 7 двоек, в другой — 9 двоек.

Мы говорим сегодня про виртуальные игры о войне, про то, что студенты сегодня более информационно подготовлены, больше знают. Что они знают? Кроме лекций, у них есть ещё семинары, семинар идёт по Великой Отечественной войне, я задаю вопрос: назовите Героев Великой Отечественной войны. В ответ молчание. Потом девушка робко говорит: Денис Давыдов. Потом начинают листать учебники, находят имя Александра Матросова. Спрашиваю: в чём подвиг Александра Матросова? Юноша отвечает: я прочитал в одной газете, что он будучи воспитанником детского дома, был выявлен как шизофреник. На вопрос, в чём его подвиг, молчание.

По поводу Зои Космодемьянской одна девушка заявила: я прочитала, что она с детства чем-то страдала, всё поджигала. Я спрашиваю: а памятник за что ей поставили?

Назвать героев Великой Отечественной войны современные молодые люди не в состоянии. Мы говорим об информационном обществе, а на юрфаке МГУ, где все студенты считаются хорошо подготовленными (конкурс 12 человек на место, у большинства автомашины, интернет дома поголовно у всех, если не на каникулы, то на выходные дни они выезжают за границу), такое незнание. Я вспоминаю, когда я был ещё школьником и студентом, была такая традиция на советском телевидении накануне 9 мая брать интервью у американцев. Советские корреспонденты спрашивали: а вы знаете, с кем Советский Союз во Второй мировой войне был в коалиции, с гитлеровской Германией или с США? Как правило, многие отвечали, что Советский Союз был вместе с фашистской Германией.

Гордитесь, мы сейчас достигли этого же информационного уровня. На вопрос, с кем был Советский Союз, достаточное количество студентов, а тем более абитуриентов, отвечает, что он воевал вместе с фашистской Германией. Мне кажется, что мы что-то упускаем, что-то не учитываем. Может быть, я не прав, опять у меня субъективное мнение, но во всяком случае, когда я разговаривал с немецкими студентами, то они не путали куклу Барби с Клаусом Барбье и они чётко знали: фашизм — это урок, который Германия извлекла, покаялась, фашизм — это плохо. Может быть, это внешняя оболочка, которую мне как российскому преподавателю выдавали, но знания у тех студентов, с которыми я общался, были.

Мне кажется, должен быть такой момент, который бы объединил разные стороны — и сталинистов, и либералов, и коммунистов, и демократов, и консерваторов, и радикалов. Это нести знания. Очень много всевозможных баек, анекдотов, в том числе в учебниках, в том числе в средствах массовой информации, а данные, конкретные факты не преподносятся. И независимо от наших убеждений, мы все находимся в ответе за то, что молодежь скатилась на такой уровень.

Андрей МАКАРОВ

В развитие предыдущего выступления хочу рассказать буквально в двух словах об опыте нашего издательства, нашего Центра по общению на книжных ярмарках с современным покупателем, чтобы показать тот культурный уровень, который существует на сегодняшний момент.

Первое. Большинство покупателей книг практически не интересуется историей, для них это непонятно. И связано это, на мой

взгляд, с тем, что они выпали из традиционного рационального культурного пространства.

Второе. В той меньшей части наших граждан, которые ещё продолжают интересоваться историей, наблюдается явное разделение на три группы. Две крайние из них, одна состоит из интеллигенции, другая принадлежит низовым уровням, характеризуется иррациональным отношением, отсутствием какого-либо стремления к диалогу, отсутствием уверенности в правоте и истинности своей позиции, персонификации знания, что Сталин злодей или Сталин герой и т. д. Очень положительным фактором я рассматриваю бурно развивающуюся численность книг и продаж этих книг. Промежуточная группа интересующихся историей, которые именно рационально относятся к познаниям, активно ищут книги и вкладывают большие средства по нашим временам, покупают довольно сложные для понимания, включая сборники документов.

Можно констатировать, что определённая часть, наиболее развитая, с наиболее рационально организованным сознанием, занимается активным пересмотром образа нашего прошлого, активным конструированием нашего прошлого и созданием нового образа. Какие причины могут быть? Я назову одну из причин падения интереса к истории. У тех, кто интересуется историей, но интересуется в эгоцентрических целях, мотивация очень характерна: я, моё мнение, мне это надо или мне это не надо. Налицо фактор асоциальности, фактор социального разложения, зашедшего в нашей стране за последние годы очень глубоко, фактор обособления личности, игнорирование каких-либо общественных, культурных, научных категорий и интересов.

Проблема на самом деле очень серьёзная, хорошо бы её изучить и обсудить, в том числе и здесь. Она связана с глубокими социальными и культурными процессами. В случае не решения их мы придём к 17-му году, когда неспособность адекватно реагировать, адекватно и реально отображать в своём сознании существующую реальность и происходящие в ней изменения привели к бурному росту агрессивности, насилия и взаимного уничтожения.

И последнее. Наши коллеги, историки Челябинского университета провели очень интересное исследование «Урал. 1917–1922 гг.». Там выдвинут тезис: кто победил в гражданской войне?, и вывод: не чекист, не комиссар, а обыватель. Он замкнулся в своей скорлупе, изолировался, у него одна цель — выживание. В таком обществе любые шаги, любые изменения условия жизни: социальные, или экономические, или политические, возможны только при условии высокого уровня насилия, только сверху. И я считаю, что персонификация Сталина и многих отрицательных

сторон нашей жизни и трагедий России и русского народа неверна и мешает нам в перспективе понимания как прошлого, так и современной жизни.

Фальк БОМСДОРФ

Прежде всего, хотел бы привлечь ваше внимание к следующему. Мои сотрудники передали мне факс с сообщением некоего информационного агентства «Регнум», в котором говорится, что Фонд Фридриха Науманна проводит закрытую конференцию «Об оккупации Прибалтики». Цитирую: «28 сентября во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы состоится конференция, устроителями является московское бюро Фонда Науманна и АИРО-XXI. Как сообщает корреспондент, несмотря на заявленный статус конференции, как Международного общественного форума, она будет проходить в закрытом режиме по специальным приглашениям, отсекающим от дискуссии большинство российских учёных, экспертов по военной и политической истории периода. Показательно, что на этой конференции планируется обсудить проблемы манипулирования памятью о войне, возрождении Сталина в истории войны и оккупации Прибалтики в контексте советско-германского договора о ненападении 1939 года»...

Геннадий БОРДЮГОВ

Вот так, коллеги, и создаются мифы. Организаторы разослали 150 приглашений (больше этот зал просто не способен вместить), пакеты с материалами к Форуму были разосланы в различные посольства, в том числе стран Балтии. В «Независимой газете» 23 сентября появился анонс о нашей открытой дискуссии, милиции на входе не было... Но кто-то пытается сделать нам неплохую рекламу. Придётся увеличивать тираж стенограммы дискуссии.

Фальк БОМСДОРФ

Разумеется, не мне судить о том, как мы поработали. Я думаю, это не дело немецкого фонда ставить какие-то отметки или делать замечания. Но всё-таки хочу сказать, что я рад тому, что дискуссия получилась. Возможно, это прозвучит патетически, но ведь именно в дискуссии суть демократии. Вы знаете, я всё время

думаю о том, что неплохо было бы в России организовать коллоквиум о федеральном ведомстве по гражданскому образованию. У нас есть такие ведомства и на федеральном уровне и на уровне земель. Вопросы, которые мы сегодня обсуждали, как раз и являются предметом гражданского образования для взрослых. Вспомните свою организацию «Знание». В Германии именно благодаря ведомствам гражданского образования люди узнали и обсуждают проблемы уничтожения евреев, преступлений вермахта, последствий оккупации Восточной Германии и др.

Я очень доволен, что здесь серьёзно была поднята проблема мифов и мифологизации. А как известно, просвещение связано с критикой мифов, чему наш Фонд уделяет значительное внимание.

Благодарю всех за участие в дискуссии. Честно говоря, я немного удивился, когда на мой вопрос, а «разве у вас таких дискуссий мало?», получил ответ: практически их вообще нет. И это печально. Верю, что ситуация изменится. Во всяком случае, наш Форум вселяет уверенность, что, как говорил Михаил Сергеевич Горбачёв, процесс пошёл.

Геннадий БОРДЮГОВ

Господин Бомсдорф, прежде всего, позвольте поблагодарить Ваш Фонд и Ваших сотрудников за поддержку этого проекта. Знаю, что изданные Материалы к Форуму вызвали неоднозначную реакцию в научной и общественной среде. Это видно потому, кто пришёл и кто не пожелал откликнуться на наше приглашение. Значит, мы не ошиблись в выборе темы для общественной дискуссии.

Благодарю всех за любопытный вклад в обсуждение поставленных вопросов. То, чего я опасался, не произошло. При всей остроте заявленных позиций, диалог был корректным и спокойным.

Анатолий ПРОХОРОВ

Позвольте мне всё-таки сказать несколько слов после выступлений организаторов. Я, пожалуй, здесь самый нейтральный наблюдатель, поскольку не являюсь историком-исследователем, а скорее потребителем. Я смотрел на всё случившееся глазами учителя и редактора журнала «для учителей». Вот эта совместная работа Фонда и АИРО, на мой взгляд, достаточно весома для школьной практики. Нам не всегда удаётся опубликовать соответствующую информацию о таких уникальных дискуссиях, но с конца

прошлого года у нас появился новый отдел «Пишет Информбюро», где мы обязательно дадим обзор всех высказанных точек зрения. Уверен, что для учителей это будет интересно.

Егор ХОЛМОГОРОВ

Хочу сказать, что все прошло замечательно, очень интересно. Для меня было неожиданно не только то, что мы тут не подрались, а то, что мы не перешли на уровень чисто полемического фехтования подколками. Я думаю, что конструктивный и важный диалог продолжится. А те, кто не пришли, составляют несколько другую среду, среду, для которой одинаково неприемлемы обе позиции, поскольку и защищаемая мною позиция, и позиция оппонентов, это позиции *по существу*. К сожалению, у нас много официальных структур, которые отказываются ставить вопросы по существу, для которых важна «удобная», а не истинная история. И я очень рад, что здесь, в этом зале, вопросы по существу стояли и плодотворно рассматривались.

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ

Дмитрий АНДРЕЕВ	кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ
Фальк БОМСДОРФ	Руководитель Московского Бюро Фонда Фридриха Науманна
Геннадий БОРДЮГОВ	кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель научных проектов и издательских программ Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).
Евгений ВЯЗЕМСКИЙ	профессор федеральной Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования
Александр ГАЛКИН	профессор, доктор исторических наук, Институт социологии РАН
Александр ГРОССМАН	научный сотрудник журнала РАН «Вопросы исто- рии»
Лев ГУДКОВ	главный научный сотрудник «Левада-Центра», профессор РГГУ
Леонид ДОБРОХОТОВ	профессор, заведующий кафедрой российской и мировой истории Российского государственного торгово-экономического университета
Яков ДРАБКИН	профессор, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН
Андрей КВАКИН	доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
Галина КОЗЛОВА	сотрудник Московского Бюро Фонда Фридриха Науманна
Ирина КОЗНОВА	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН

Марианна КОРЧАГИНА	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
Владлен ЛОГИНОВ	доктор исторических наук, профессор
Дмитрий ЛЮКШИН	кандидат исторических наук, доцент Казанского государственного университета
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор НИЦ АИРО-XXI
Лидия МАКСАКОВА	доктор исторических наук, профессор, Почётный доктор АИРО
Евгений МАРГОЛИТ	ведущий научный сотрудник НИИ киноискусства, историк советского кино
Сергей НОВИКОВ	зав. кафедрой истории и белоруссоведения Минского государственного лингвистического университета
Игорь ПЕВУНОВ	переводчик
Анатолий ПРОХОРОВ	главный редактор журнала «Преподавание истории в школе»
Николай РУДЕНСКИЙ	обозреватель интернет-издания «Грани.ру», кандидат исторических наук
Владимир СЕМЕНДЕЙ	историк, ранее — дипломатический работник
Сергей СЛУЧ	Институт славяноведения и балканистики РАН, кандидат исторических наук
Борис СОКОЛОВ	профессор Российского государственного социального университета
Наталья ТРУБНИКОВА	кандидат исторических наук, докторант Томского государственного университета
Егор ХОЛМОГОРОВ	политический обозреватель радиостанции «Маяк», председатель Консервативного совещания

Анатолий ЦЫГАНОК	полковник, кандидат военных наук, профессор Академии военных наук, руководитель Центра военного прогнозирования Института политического военного анализа
Анатолий ЧЕРНОБАЕВ	доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Исторический архив»
Александр ЧЕРНОВ	аспирант Челябинского государственного университета
Ирина ЧЕЧЕЛЬ	кандидат исторических наук, доцент РГГУ
Мариэтта ЧУДАКОВА	доктор филологических наук, профессор Литературного института
Александр ШИРОКОРАД	писатель, военный историк
Константин ЭГГЕРТ	шеф Бюро всемирной службы Би-би-си в Москве

ПРИЛОЖЕНИЕ

60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (Москва, сентябрь 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2005. — 248 с. ISBN 5-91022-008-X.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

СТАТЬИ

Егор ХОЛМОГОРОВ

Вернуть Сталина Победе.

Маризтта ЧУДАКОВА

О Победе, славе и чести.

За Сталина против Родины?

Памятник нашему безумству.

Юрий КРУПНОВ

Кто выиграл войну: народ или Сталин?

Никита ДЕДКОВ

Логика ошибок.

Борис СОКОЛОВ

Между наукой и политикой: Цена победы и мифы Великой Отечественной.

Сергей ТОКАРЕВ

Последний миф империи (О маршале Жукове).

Лев ГУДКОВ

«Память» о войне и массовая идентичность россиян.

Дмитрий АНДРЕЕВ, Геннадий БОРДЮГОВ

Пространство памяти: Великая Победа и власть.

ОБЗОРЫ

Владимир КРЕСТОВСКИЙ

Война и новые идеологические маркёры в англо-американских СМИ.

Наталья ТРУБНИКОВА

Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей.

Марианна КОРЧАГИНА

Впечатление «некоторой растерянности»: освещение окончания войны в СМИ Германии.

Наталья СТАПРАН

Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония.

Александр ВЛАДИМИРСКИЙ

Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова–Риббентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете.

ФОНД ФРИДРИХА НАУМАННА

Фонд, носящий имя великого немецкого либерального деятеля Фридриха Науманна (1860–1919), является фондом немецкого либерализма. В своей деятельности он тесно сотрудничает со Свободной Демократической партией (СвДП), которая в последние десятилетия внесла существенный вклад в формирование немецкого государства и общества. Визитная карточка Фонда — имена обоих его почётных председателей, Ганса-Дитриха Геншера, занимавшего в течение многих лет пост министра иностранных дел Федеративной Республики Германия, и Отто Графа Ламбсдорфа, многолетнего министра экономики ФРГ и с 1995 года председателя правления Фонда. Основная цель Фонда — содействие развитию и укреплению гражданского общества как в Германии, так и во всём мире. С момента своего создания (1958 год) Фонд Фридриха Науманна активно участвует в решении общественных проблем во многих странах (в настоящее время более чем в 60), тесно сотрудничая прежде всего с политическими и общественными силами, выдвигающими человека — индивидуума как противоположности коллектива — на передний план своей деятельности.

Начало проекту «Россия и ряд государств СНГ» было положено в 1992 году. Начиная с этого времени Фонд Фридриха Науманна развернул свою работу в Российской Федерации, где сосредоточились основные усилия реализуемого проекта. Главная задача, которую ставит перед собой Фонд, способствовать, развивая сотрудничество с различными партнерами, созданию основ демократии и правового государства и в конечном итоге построению общества граждан в странах, участвующих в проекте.

Фонд работает по следующим основным направлениям: демократическая культура (т.е. все те элементы, которые являются основополагающими для демократии и правового государства); децентрализация государственной деятельности (прежде всего федерализм и местное самоуправление); региональные средства массовой информации, особенно региональная пресса; соблюдение и реализация прав человека и гражданина как неотъемлемой предпосылки создания общества граждан; поддержка нарождающихся элит и, тем самым, демократического развития. Деятельность Фонда базируется на двух основополагающих принципах. Во-первых, на принципе ориентации на актуальные в данный момент проблемы. Иными словами, выбор и концептуальное решение проводимых мероприятий обуславливаются, в первую оче-

редь, теми потребностями, которые в данный период времени наиболее насущны для обществ России и других стран-участниц проекта. При этом Фонд не предлагает готовых рецептов, способных помочь решению специфических проблем, например, России. Он видит свою задачу в информировании о тех возможных решениях, о том общественном ноу-хау, которые были накоплены в Германии в процессе ее развития. Воспользоваться ли этим опытом и каким именно образом — решать только российским партнёрам Фонда. Другой основополагающий принцип работы Фонда — принцип сотрудничества. Совместный труд — это именно то, что прежде всего требуется России, как, впрочем, и любой другой стране мира. Фонд не занимается оказанием помощи. Она, с его точки зрения, России не требуется: у неё есть всё необходимое для строительства современного общества, в первую очередь огромные людские ресурсы — этот человеческий капитал, слагающийся из тысяч талантливых людей, которыми Россия в избытке обладает.

Деятельность Фонда охватывает всю территорию России. Бюро Фонда, координирующее деятельность по реализации проекта, с 1993 г. находится в Москве, где также проводятся многочисленные мероприятия. Однако основная деятельность Фонда ориентирована прежде всего на российские регионы. Именно там происходят сейчас те глубокие трансформационные процессы, которые характеризуют нынешний этап развития России. Именно там решается, сможет ли страна действительно встать на путь демократии и создания гражданского общества, или она вновь вернётся к своему авторитарному прошлому. Учитывая эту перспективу, в 1995 году Фонд открыл свое представительство на Урале, в Екатеринбурге, которое стало центром координации всей работы, проводимой в этом огромном регионе. Планируется открытие представительства в другом регионе России. Помимо этого в наиболее важных российских регионах Фонд активно занят привлечением людей, которые бы не только деятельно участвовали в проводимых им мероприятиях, но и стали бы доверенными представителями Фонда на местах.

Палитра мероприятий, проводимых Фондом, богата и разнообразна. Это семинары и конференции, коллоквиумы и круглые столы, опросы общественного мнения и показ фильмов, практические занятия и ознакомительные поездки в Германию и другие страны. Особое положение занимают проводимые Фондом Фридриха Науманна в России программы «Либеральные клубы» (ЛК) и «Либеральные столы» (ЛС). Они представляют собой дискуссионные клубы, то есть подлинные форумы молодого поколения россиян по обсуждению общественно-политических вопросов, представляющих для партнёров Фонда на местах особый дискуссионный интерес. К настоящему моменту проведено более 120 заседаний «Либеральных клубов» в 31 городе России.

«Либеральный стол» это своего рода семинар меньшего формата, который служит раскрытию и дискуссии по определённой теме. Эта относительно молодая программа, начавшаяся лишь в 1999 году. Кроме этого, ежегодно проводятся Науманновские лекции, когда в России выступает один из известных немецких либеральных политиков, а вслед за ним ответный доклад делает в Германии один из представителей новой, демократической России. В этих выступлениях рассматривается одна и та же проблема, но, естественно, под разными углами зрения. Московское бюро Фонда занимается также издательской деятельностью. Им публикуются тексты Науманновских лекций, материалы о наиболее важных результатах деятельности Фонда, а также ряд самостоятельных работ по наиболее актуальным темам.

Адрес Фонда:

119590, Москва, Минская ул., жилой комплекс «Сетунь», д.18а/166.

Тел.: 007095–9561029/2326530

Факс: 007095–9561008

E-mail: office19.Russia@moscow.fnst.org

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (АИРО-XXI)

Ассоциация создана в 1991 г. рядом ведущих российских исследователей.

В составе Международного Совета научных проектов и издательских программ Ассоциации — Карл Аймермахер, Дитрих Байрау, Владимир Берелович, Бернд Бонвеч, Геннадий Бордюгов, Ричард Бургер, Харуки Вада, Людмила Гатагова, Пол Гобл, Габриэлла Горцка, Андреа Грациози, Роберт Дэвис, Елена Зубкова, Алан Касаев, Стивен Коэн, Василий Молодяков, Джон Морисон, Игорь Нарский, Норман Неймарк, Дональд Рейли, Борис Соколов, Татьяна Филиппова, Ютта Шеррер и др.

Имеет представительства в Архангельске, Казани, Курске, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Челябинске, Ярославле и др.

Совместные проекты реализуются совместно с институтами РАН, МГУ, РГГУ, РУДН, Уральским государственным университетом, Фондом Фридриха Науманна, Фондом им. Николая Бухарина и Анны Лариной, Фондом японских историков, Лотмановским институтом Рурского университета в Бохуме, Домом наук о человеке в Париже.

Начиная с 1993 г. издано свыше 180 наименований монографий, документальных сборников, книг и брошюр, осуществлено 12 научных проектов, в том числе «Исторические исследования в России и модели научного познания», «Создание национальных историй в советском и постсоветских государствах», «Мифы и мифология в современной России», «Новые концепции российских учебников по истории», «Культура и власть в условиях коммуника-

ционной революции XX века», «Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления» и др., проведено свыше 50 научных конференций, семинаров, «круглых столов», книжных презентаций.

Адрес НИЦ АИРО-XXI:
107207, Москва, Чусовская ул., д.11, к.7, кв.37.
<http://www.airo-xxi.ru>
E-mail: airo@airo-xxi.ru

НАЗРЕВШАЯ ДИСКУССИЯ

Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны

Общественный Форум
Москва, 28 сентября 2005 г.

СТЕНОГРАММА

Компьютерная верстка
и техническое редактирование — С.П. Щербина.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.12.2005
Формат 60×80¹/₁₆. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 9,0

Фонд Фридриха Науманна
Минская ул., жилой комплекс «Сетунь»,
д.18а/166,119590, Москва, Россия
Тел.: 007095–9561029/2326530
Факс: 007095–9561008
Email: office19.Russia@moscow.fnst.org